ВСЕЛЕННАЯ МАРКА -

1. БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ
   (SPIN-OFF) ПОВЕЛИТЕЛЬ ПОТОКОВ
2. ШАГ В СТОРОНУ
3. БОЯРСКИЙ ЭНДШПИЛЬ
4. ПОД СВЕТОМ ЧУЖОЙ ЗВЕЗДЫ
5. ЧУЖАЯ ВСЕЛЕННАЯ
6. ЗЕМЛЯ МАРКА
7. ГРАНИЦА РЕАЛЬНОСТИ
8. ВСЕЛЕННАЯ МАРКА

АНДРЕЙ НИКОНОВ

БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ

Вселенная Марка

Андрей Никонов

Билет в один конец

«Автор»

2024

Никонов А.

Билет в один конец / А. Никонов — «Автор», 2024 — (Вселенная Марка)

Внимание! Новая редакция (2023г)!Если в родственниках у тебя водится могущественный маг из другого мира, спокойной жизни не жди. Марк Травин перенёсся в реальность, где наука с помощью магии намного опередила наше время. Через страдания и победы, обретя дружбу и потеряв любовь, Марк отвоюет себе место в той жизни, ведь обычным людям возврата оттуда нет. Для них это - билет в один конец.Первая книга цикла "Вселенная Марка".

© Никонов А., 2024
© Автор, 2024

Содержание

ПОЛНЫЙ СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО ЦИКЛУ «ВСЕЛЕННАЯ МАРКА» (бывш. «Бедный родственник») 5
Пролог. 6
Глава 1. 10
Глава 2. 15
Глава 3. 21
Глава 4. 25
Глава 5. 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Андрей Никонов
Билет в один конец

ПОЛНЫЙ СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО ЦИКЛУ «ВСЕЛЕННАЯ МАРКА» (бывш. «Бедный родственник»)

1. БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ.
Спин-офф – ПОВЕЛИТЕЛЬ ПОТОКОВ (Анур Громеш и Павел Громов).
2. ШАГ В СТОРОНУ.
3. БОЯРСКИЙ ЭНДШПИЛЬ.
4. ПОД СВЕТОМ ЧУЖОЙ ЗВЕЗДЫ.
5. ЧУЖАЯ ВСЕЛЕННАЯ.
6. ЗЕМЛЯ МАРКА.
7. ГРАНИЦА РЕАЛЬНОСТИ.
8. ВСЕЛЕННАЯ МАРКА.

Пролог.

Отряд из семи человек медленно продвигался сквозь плотные заросли лиан. Сначала их было восемь, но сопровождающий, сержант-инструктор из Centro de Instrucao de Guerra na Selva Паоло Мантега, прошлым утром, отсалютовав винтовкой, повернул обратно в походный лагерь, к вертолету. И должен был уже давно улететь обратно на базу.

Идти было тяжело – высокая, практически стопроцентная влажность, жара под сорок, падающие с веток жуки и черные муравьи. В сельве нет ни направления, ни тропинок, постоянно приходилось смотреть в навигатор, чтобы понять, не сбились ли они с курса.

Группа растянулась на двадцать метров, идущий впереди рубил лианы и кустарник, через пятнадцать минут его сменял следующий, а уставший первопроходец занимал место в конце колонны. Среди всех выделялся командир – загорелый мужчина лет пятидесяти пяти, с лицом, изрезанным морщинами, высокий, жилистый, с черными, подернутыми сединой волосами, забранными в хвост, полными губами и крючковатым носом. Орудовать мачете у него получалось лучше других, в этих местах он был не первый раз и когда-то проходил стажировку в CIGS. В кобурах у него были два Глока-19. У остальных членов группы – ПП Кедр, кроме одного, ровесника командира, который, помимо Глока на поясе, нес за плечами АС Вал с оптикой.

Преодолев небольшую речушку, вооруженные люди остановились на привал на небольшой каменной площадке. Речная вода не доставляла дискомфорта, одежда от высокой влажности была настолько мокрой, что казалось, будто они уже второй день плывут.

Бойцы достали из разгрузок энергетические батончики, только командир набрал пальмовых жуков и спокойно начал жевать их живьем под равнодушными взглядами остальных членов группы. Батончики рано или поздно закончатся, так что питаться им придется вот таким подножным кормом.

– Еще два километра, – командир взглянул на навигатор, закрепленный на предплечье, от него шел проводок к солнечным батареям, словно погоны, навешанным на плечи. Такая зарядка позволяла использовать навигатор по десять минут в час. Пауэр-банки в рюкзаке были запаяны в полиэтилен, и расходовались по мере необходимости. – Сейчас легче будет, тут деревья не так плотно растут.

Через час люди вышли на большую поляну, метров сто диаметром, с явными следами человеческой деятельности – деревья были вырублены, стволы лежали по периметру, трава по возможности была скошена и убрана. Влажность не сильно уменьшилась, но яркое солнце, стоявшее в зените, выпаривало жидкость из одежды и других предметов экипировки. Лишняя одежда тут же была скинута и развешана на ветках.

Поляна состояла из трех вложенных друг в друга концентрических кругов, каждое обрамлялось каменным бордюром, перепад высот между соседними был метра полтора, таким образом, центральная часть поляны, диаметром в сорок метров, была ниже края примерно на три метра.

В центре поляны по кругу стояли семь каменных столбов высотой в пять метров и диаметром в метр, на вершине каждого столба сидела каменная статуя какой-то явно фантастической птицы, внутри этого круга из столбов – гранитная плита два на два.

От края прямо к плите, на девять часов от пришельцев, вела дорога – шириной в три метра, без ступеней, ровное, вымощенное камнями полотно, обложенное камнями. С одной стороны дорога оканчивалась прямо у столбов, с другой – уходила на несколько метров в лес, где просто обрывалась.

На втором концентрическом ярусе, напротив пришельцев, стоял Robinson R44 с медленно вращающимся винтом.

Один из бойцов, тот, который с Валом, остался за деревьями, еще один тоже не стал выходить на поляну, разместился в пятнадцати метрах от первого – расстелил пенку, уселся на нее и расслабленно привалился к дереву.

Делалось это нарочито небрежно – поджидающие их люди знали, что должны прийти шестеро, так что оставшиеся в охранении двое просто показывали, что в случае чего они останутся в тылу и поддержат товарищей огнем.

Командир и четверо сопровождающих выдвинулись к каменному сооружению, игнорируя дорогу. От вертолета отделились три фигурки и подошли к барьеру. Еще одна фигурка осталась у вертолета, спрятавшись за корпусом – бессмысленная предосторожность, кабина Робинзона прошивалась из винтовки на раз.

Бойцы остались на самом краю второго яруса, командир легко спрыгнул и зашагал к каменной плите. С другой стороны так же, двое остались на краю, а их старший, смуглый невысокий молодой человек в цветастой рубахе, белых брюках и белых же туфлях, спрыгнул с барьера и зашагал навстречу вооруженному визави. Оружия у пассажира вертолета не было, в отличие от его сопровождающих, расслабленно державших Калашниковы.

Ола, Анатолио! – вскинув руки вверх, радостно заорал парень в цветастой рубахе.

– Э боа тарде пара си, синьор Гомеш, – церемонно поклонился человек с пистолетами.

Они встретились чуть в стороне от круга столбов, обнялись, похлопали друг друга по спине

– Как долетел? – на чистом русском языке спросил молодой.

– Дошел, – поправил его пожилой. – Продирался через вашу сельву два дня, так что, надеюсь, у твоей мамы все хорошо, и твой дядя еще даст фору молодым, и это все, что я должен буду знать о них, прежде чем мы перейдем к делам.

– Дядя всегда говорил, что ты очень торопишься, – молодой улыбнулся. – Он также говорил, что дела можно вести только с тобой.

Он наклонился к уху пожилого и прошептал:

– Потом объяснишь, зачем тебе понадобился весь этот спектакль.

Пожилой усмехнулся. Кивнул.

Молодой щелкнул пальцами. Тот, кто сидел за вертолетом, встал, достал из кабины чемоданчик, передал подошедшему к нему охраннику. Тот дошел до края яруса, спрыгнул вниз, передал груз молодому в цветастой рубахе и вернулся обратно, легко подтянувшись и запрыгнув обратно.

Молодой поставил чемоданчик прямо на плиту, поклонился пожилому, они еще раз обнялись, пожилой что-то прошептал молодому на ухо, отчего тот встревоженно посмотрел на собеседника.

Пожилой снова кивнул. Команда молодого загрузилась в Робинзон, и вертолет улетел на запад.

Командир присел на край плиты, раскрыл чемоданчик, улыбнулся. Помахал рукой.

Пока команда собиралась возле него, он скинул разгрузку, отстегнул ножны с мачете, снял пояс с пистолетами, куртку, майку, оставшись с обнаженным торсом. Тело было покрыто многочисленными шрамами, вдоль пупочной линии шел рубец от разреза, с левой стороны – давно зарубцевавшееся пулевое отверстие.

Шестеро собрались вокруг вожака. Тот развернул чемоданчик к зрителям – на белом бархате лежали семь обсидиановых ножей.

– Что это, командир? – спросил пожилой с Валом.

– На первый взгляд радужный обсидиан, – похлопал по чемоданчику главный. – Но на самом деле это куда более дорогая разновидность. Каждый такой ножик по пять тысяч идет,

если простой. А эти использовались жрецами одной очень древней перуанской семьи, на каждом – кровь тысяч жертв. Представляете, эти ножи вонзались в тела людей еще тогда, когда тут не было португальцев. Точный анализ будем проводить в Израиле, но предварительно – этим вот кинжальчикам более тысячи лет. Знающие люди с руками оторвут, чемоданчик на полмиллиона потянет, не меньше. Как оружие их не используют, хрупкие очень, ломаются на раз. А для коллекций неповрежденные, с древней кровью, с сертификатами большую ценность представляют. Так что сходили не зря, теперь надо вернуться, все это продать, и разделить деньги.

На лицах членов команды отразились смешанные чувства, вот только радости от будущего богатства там не было. Меж тем главный уселся на плиту, подставив лицо солнцу, слева от него лежал раскрытый чемоданчик, а дальше – аммуниция и обмундирование грелись лучами полуденного солнца.

– Вертолет заберет нас через четыре часа, – проговорил главный, не открывая глаз.

Остальные члены команды встали полукругом возле командира, не сводя с него взглядов. Оружия из рук они не выпускали.

– Вы чего, – спокойно произнес главарь, – расслабьтесь, отдыхайте. Здесь вам ничего не угрожает, даже змей нет. Священное место, вот эти столбы, по поверьям, держали внутри себя злых духов, не давая им проникнуть на Землю. А на этой плите, опять же если верить всем этим сказкам про инков и их ритуалы, вынутые из жертв сердца оставляли на солнце. И знаете что? Они не портились, кровь не сворачивалась, а в полночь сердца исчезали, не оставляя на граните ни капли. По мне так бред какой-то, но вот друзья мои говорят, что да – место загадочное. Чувствуете что-нибудь?

Не дождавшись ответа, он обвел взглядом подчиненных.

Те видимо колебались, решая, что делать, наконец вперед вышел один, тот самый пожилой с Валом.

– Командир, тут это…

– Не тяни, – строго сказал главарь.

– В общем, убить нам тебя приказали.

– Кто? – как-то неэмоционально удивился главный, не делая попыток подняться.

Пожилой оглянулся на товарищей, потом снова посмотрел на командира.

– Ладно, догадываюсь. И что вам предложили – деньги? Что еще могут они предложить, – спокойно продолжал главарь. – Я дам больше.

– Семьи наши они нам предложили, – зло сказал один из бойцов, самый молодой. – У меня вон мать с отцом, у Петровича – внучку, у Санька невесту держат в залоге.

– Ясно, – главный открыл глаза, посмотрел прямо на пожилого. – Внучка, значит. Вы понимаете, что вас все равно прикончат?

– Да, – твердо кивнул пожилой. – Прости нас, командир. Тут или они, или мы. Все вместе. А как умрем, наши родные никому не нужны будут. Отпустят их.

Главный кивнул в ответ, признавая, что да, так и произойдет. Смысла в лишних, бесплатных жертвах нет, а жаловаться те не побегут.

– И когда?

– Прямо перед отлетом, ты уже здесь был. Совсем чужих не стали посылать, а мы вроде как с тобой были уже.

Командир вздохнул. Чему-то улыбнулся.

– И кто из вас?

– Я, – пожилой тоже вздохнул. – Мы жребий бросили.

– Это хорошо. Ну давай, чего ждать-то.

Петрович вскинул автомат.

Никто не заметил, как в руке у главаря оказался один из ножей. Вот он расслабленно сидит и смотрит в дуло автомата, и тут же у Петровича из глаза торчит узкое чёрное лезвие.

Бойцы привыкли отвечать на нападение сразу, не раздумывая, кто бы это ни был. Очередь из ПП ударила в каменную плиту. Как раз в то место, где до этого сидел главный.

Но его там уже не было, перекатом через левое плечо он ушел назад, одновременно сразу пять лезвий выскочили из его ладони, и все они нашли цель. Точно в левый глаз каждому из нападавших. Так что следующие очереди били уже в воздух, в деревья, в каменные столбы, куда угодно, только не в мишень, спрятавшуюся за плитой.

Через несколько секунд, когда все кончилось, командир вылез из-за камня, стряхивая с себя комочки земли и приставшую траву. Поглядел на разбросанные тела – с торчащими из глазниц острыми лезвиями. Кто-то отделался пробитым мозгом, кого-то уже после смерти покромсали пули, все вокруг было забрызгано кровью, ошметками тел и одежды.

Командир грустно улыбнулся, обошел тела, вытаскивая лезвия – целые, ни одно не повредилось, сложил их на плите. Достал из чемоданчика последнее, провел по запястью, орошая клинок и плиту собственной кровью. Сложил стилеты звездой, остриями к центру.

Из разгрузки достал прозрачный кристалл, положил в центр семилучевой звезды. Сначала ничего не происходило, потом кристалл начал наливаться синим цветом, засиял, перебивая свет солнца, запульсировал.

Оставшийся в живых аккуратно сложил лезвия в чемодан, закрыл его, положил на плиту. Оттащил тела за круг столбов. Посмотрел на край поляны, там появилось семейство пум – самец, самка и два детеныша, лесная братия пришла на обед.

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста, – прошептал человек. Взял кристалл в руку, крепко сжал. И исчез.

Глава 1.

Психологи любят повторять, что главное в этой жизни – выйти из зоны комфорта, и жизнь наладится сама собой. Всегда удивлялся, зачем это делать, если и так хорошо. Я в этой самой зоне комфорта застрял, и добровольно из неё не выйду. У меня нет жены, но при необходимости я могу сделать себе не только бутерброд, но и что-то посерьезнее – например, дойти до кафе, где отлично готовят и моют за тобой посуду. Приходящая раз в неделю домработница избавляет меня от грязных носков и несвежих рубашек – они потом обнаруживаются в шкафу, чудесным образом выстиранные и выглаженные. Кстати, после этого визита пыль и грязь тоже куда-то невероятным образом исчезают, а разбросанные вещи возвращаются на свои привычные места. Потому что психологи – люди профессионально нездоровые, мне куда ближе математики. Не надо менять, надо складывать и умножать, я, например, свою зону комфорта расширяю.

Трети гектара земли рядом с лесничеством, километрах в пятнадцати от нашего города, хватило, чтобы построить на них два небольших дома. В один поселил родителей, которые к тому времени вышли на пенсию и загорелись познать прелести загородной жизни, одновременно сдавая городскую квартиру, а второй оставил для себя. С двумя спальнями – мне хватило бы и одной, но отец, руководивший стройкой, настоял на двух, надежда понянчить внуков у них с матерью никуда и никогда не исчезала. Брат с сестрой давно жили в Питере, у бабушки, и в наших краях появлялись только редкими наездами летом и иногда на новый год, у столичных студентов совсем другие интересы, и провинцией их не заманишь.

К лесничеству от города ведет всего одна дорога, двухполосная, асфальтовая, заменившая разбитую грунтовку, причем дорога тупиковая, там же, в лесах, она и заканчивается зонами отдыха, санаториями и вертолётными площадками, поэтому транзитников практически нет. Три шикарных озера в паре километров, куда приезжают отдыхать с палатками, да так, что летом и местным не протолкнуться, и речка, один из заливов которой проходит недалеко от границы участков. Комаров от нее летом – спасу нет, зато природа и свежий воздух круглый год.

В этот раз мои женатые друзья, которые в своих не очень габаритных зонах комфорта то и дело бились об острые углы, решили, что имеют право на рыбалку. К концу сентября осень решительно заявляла о себе, кое-где листья пожелтели и начали облетать с деревьев, но погода на выходные стояла практически летняя, отдельные смельчаки даже купались, дождей не намечалось, и вообще проводы лета – это прекрасно и традиция.

Нас было должно было ехать четверо – Жора Богданов, человек непьющий и потому оказавшийся за рулём, Леха Милославский, Лёва Гуревич и я. У Жоры была отличная машина, большая, вместительная, Тойота Тундра 2008 года с пятилитровым движком. В кузове этой малышки ящик водки просто терялся, так что и удочки, и надувная лодка с мотором, и все остальные вещи не мешали нам свободно располагаться в просторном салоне.

Но в среду ко мне приехали гости, точнее говоря – один гость, мой двоюродный брат Павел. Личность в нашей компании совершенно фантастическая и легендарная.

Паша – милейший человек, под два метра ростом и весом в полторы сотни килограмм, на пять лет младше меня, был единственным сыном маминой сестры, тети Светы. Тоже личности фантастической и легендарной, потому что только такая женщина могла родить Пашу от дяди Толи – тогда еще лейтенанта, дослужившегося потом до полковника в каких-то спецвойсках. Дядя Толя первый раз увидел своего сына, когда тому было больше года, и с тех пор они виделись эпизодически, но души друг в друге не чаяли. Анатолия Громова я помню загорелым, веселым и всегда трезвым – даже после выпитой в одно лицо почти залпом бутылки водки. На

пятнадцать лет он подарил мне, втайне от родителей, пистолет – настоящий, боевой, со словами «вдруг когда-нибудь пригодится», и научил из него стрелять. На двадцать он привез к нам на старую еще дачу снайперскую винтовку, но, выпив с отцом, признал, что это «перебор», и увез обратно с собой, оставив только оптический прицел и десяток патронов. Дядя Толя вечно мотался по своим служебным делам, утверждал даже, что страсть к перемене мест у него от его предков – ассирийцев, и пропал где-то в Южной Америке два года назад.

Не то чтобы тетя Света и дядя Толя были плохими родителями – даже наоборот, думаю, любой ребенок хотел бы отца-героя и мать-хирурга, но государство упорно не давало им шанса заняться полноценным воспитанием Павла Громова. Когда его отец отстреливал в Африке местное неуступчивое население, а мать моталась по командировкам, Пашка переезжал к нам, иногда на неделю-две, а бывало, что и на пару месяцев. Ходил со мной в одну школу, потом даже почти поступил в тот же институт, что и я, но вовремя передумал и выучился на врача-травматолога. Больные его обожали – и как тут по-другому себя поведешь, когда твою ногу или руку берет в ручищи монстр в белом халате. С таким лучше не ссориться, а выздороветь побыстрее.

И была, да так и осталась у Пашки одна особенность, которая и делала его фантастическим и легендарным. Он постоянно влипал в какие-то истории, точнее говоря, сам эти истории создавал. И почти каждый случай был прямо-таки эпическим.

В мой восьмой день рождения мы отправились в парк аттракционов. Что может сделать с качелями и каруселями трехлетний пацан, поедающий мороженное? Паша ткнул этим эскимо в распределительный щит, который почему-то именно в этот день и час был открыт. Способность Паши, как тогда выяснилось, подразумевала, что мир будет подстраиваться под него для большего эффекта. Колесо обозрения починили только к вечеру, в ручном режиме его так и не смогли запустить – по иронии судьбы щиток находился рядом с механизмом управления, и в возникшем пожаре шестерни заклинили. Зато другие аттракционы, на которые трехлетнему пацану разрешали проходить, были в полном порядке.

В цирке, куда восьмилетнего Павлика пустили исключительно по недосмотру, брошенная им банановая корка стала причиной побега животных – дрессировщик, засмотревшись на смышленого карапуза, ковыряющего в носу, подскользнулся и головой протаранил работника сцены, запиравшего клетку с тиграми. Циркачи оказались в клетке, тигры гуляли по цирку, а Паша, которого пустили за кулисы, перепутав с сыном билетерши, веселился. Хорошо, что тигры были сытые, всё обошлось возвратом билетов и визжащей толпой, сбившей одну из опор, на которую крепился шатер. Упавший купол разделил ошалевших животных и не менее ошалевших зрителей, которые потом прорывались с боем сквозь обрезиненную ткань. Скандал был жуткий, виновник – дрессировщик, утверждал, что не виноват, но ему, естественно, никто не верил.

Когда Пашка стал постарше, а его рост достиг ста девяноста сантиметров, за ним табуном ходили девушки, но он выбрал одну и единственную – она оказалась дочкой местного авторитета. Не знаю точно, что произошло, рассказывали о перестрелке, случившейся в одном из ресторанов города, с продырявленными в решето стенами и всего лишь одним раненым, но помню, сам Громов-старший срочно вернулся из своей очередной командировки, чтобы спасти сынулю от преждевременной свадьбы.

На самом деле таких случаев было множество, с годами ничего не изменилось, и каждое Пашкино появление означало, что спокойной жизни не будет.

Выехали мы в пятницу под ночь, чтобы уже рано утром выдвинуться к рыбным местам. Рыбалка в конце сентября дело ответственное и совсем не простое. Атмосферное давление скачет, и рыба даже при ясной погоде может не клевать. Зато как раз в это время хищная рыба нагуливает жирок, так что и щука, и окунь, и судак отлично ловятся на спиннинг.

Я предпочитаю ловить на блесну – щука на большой глубине, а речка примерно в паре километров от наших участков разливается в ширину метров на 50 и в глубину до 10, хватает почти любую наживку. Леха – тот мастер по судакам, прошлой осенью рыбину килограмма на четыре вытащил, сам не видел бы, не поверил. Жорик с Левой поехали просто за компанию, первый – закусить, а второй – выпить и отдохнуть от жены.

Мы подъехали к даче почти в полночь, поставили машину во двор и разбрелись по комнатам, а на рассвете по лесной колее выдвинулись к месту лова, к насиженному уже за несколько лет месту.

Не могу назвать себя заядлым рыбаком, свежий воздух, отличная природа и не менее отличная компания, на мой взгляд, куда важнее самого процесса рыбалки. Даже водка практически не пьянит, а наоборот – бодрит, да и выпили почти ничего, одну бутылку на пятерых, точнее говоря на четверых. Зато наотдыхались так, что предстоящая рабочая неделя у моих друзей уже не вызывала явного отторжения. Ну а мне, по причине общей ленности и небольшой загруженности, было просто хорошо и комфортно.

На удивление, Паша не создавал проблем, наоборот, улов у него был что надо – вытащил из воды девушку и какое-то время вешал ей лапшу на уши, видимо небезуспешно, телефон она свой ему дала. Девушка жила в доме отдыха, Павел уезжать пока не собирался, так что у него были все шансы на развитие отношений.

Возвращались мы на дачу без Пашки, тот появился только под утро, получив за завтраком выговор от моей матери, который, впрочем, был отменен, стоило ей узнать, что девушка из хорошей семьи и очень порядочная. Так что под дружные смешки остальных участников мероприятия мамино внимание переключилось на меня – типа, вот Паша нашел себе невесту, а ты никогда не женишься. Пашка помигивал, рассказал матери, какая у его будущей избранницы есть замечательная подруга, за что получил пинок под столом.

Воскресный день прошел на том же месте, Жора даже искупался, распугав оставшуюся рыбу, народу прибавилось, но к четырём вечера на берегу уже почти никого не осталось. Вечером, с пакетами копченой рыбы, банками варенья и солений, корзинкой ремонтантной клубники и хорошим настроением, друзья на Тундре отчалили в город.

Стемнело, мы с родителями и Павлом сидели на веранде у антикварного медного самовара, прихлебывая чай и заедая его плюшками, глаза практически слипались, и я совсем уже решил отправиться на боковую, как вдруг Пашка обнаружил, что оставил у реки свою сумку.

– Марк, дай велик, сгоняю к реке, я ее точно у берега забыл.

Паша по жизни был оптимистом. Хотя основания у него были – мы уходили от реки практически последние, народу уже почти никого не оставалось, сумка у Пашки была незаметная, цвета хаки, немудрено, что он ее не заметил, когда уходил. Да и нам никому в глаза она не бросилась, значит, и другие, может быть, мимо пройдут.

– Сейчас, подожди, наберу ребят. Может ты у Жорика в машине выронил, или здесь где-нибудь валяется. Если не отыщется – вместе сьездим на квадрике, вдвоем быстрее найдем.

– Да я один справлюсь, чего ты, – заупрямился Пашка.

– Не спорь. У тебя там важное что-то? Документы? Телефон?

– Да нет там ничего, документы я всегда в кармане ношу, и кошелек с телефоном. Там так, мелочи всякие, но не хотелось бы их потерять.

– Это хорошо. Все равно, давай иди ищи здесь, а я Жорику отзвонюсь.

Жорик ничего в машине не находил. Более того, он вроде вспомнил, что сегодня на реку Пашка ехал с сумкой, а уже обратно – без. Так что оставался один вариант – прогуляться к месту нашей рыбалки. Я пошел к гаражу за квадроциклом, а Павел решил ворота открыть. И отвернулся-то я буквально на секунду, чтобы пропустить момент, когда он, зачем-то, обходя кусты смородины со стороны забора, провалился ногой в небольшую ямку. И как он только ее нашел, единственная, наверное, на весь участок. Сто пятьдесят килограмм, когда падают на

землю, вполне могут сами нанести себе тяжкие телесные, а если им еще поможет сучковатое бревнышко, непонятно почему не пошедшее в костер… Короче, ногу Пашка повредил, и руку разодрал знатно, так что пока я помогал ему подняться – сам его кровью все ладони заляпал. Потом охающая мать пыталась ему помочь, но практикующий травматолог сам справился, диагностировал у себя отсутствие переломов и наличие сильного растяжения, небольшую потерю крови, обработал и заклеил каким-то спреем рану, благо разодранная рука была левая, и сообщил, что все так же готов ехать за потерянным имуществом.

– Ну уж нет, – заявил я ему. – Сиди и лечись, врач хренов, кошмар ходячий.

Пашка надулся, но остался. Тем более что мать такой крик подняла, что он просто обязан был остаться, чтобы ее успокоить, и заодно не дать позвонить тете Свете, которая примчалась бы спасать кровиночку с другого края земли. В этот раз, кажется, из Эфиопии.

А я скинул заляпанную кровью куртку, натянул чистую толстовку – ночи уже были прохладные, градусов десять, засунул в карман травмат на всякий случай, и, заведя квадроцикл, направился к реке. Два километра по лесной обкатанной машинами грунтовке, это не больше пяти минут, в начале октября темнеет рано, и ночь, как назло, выдалась безлунная, с облаками, но мощная фара на квадрике била далеко, так что задавить какое-нибудь глупое животное, решившее прогуляться, я почти не опасался. А так-то тут и лоси, и кабаны, и даже волки водились, но к машинам попривыкли и наперерез практически не выскакивали.

Я мчался со скоростью километров двадцать в час по грунтовке, ярко освещая дорогу дальним светом и включив магнитолу – один знакомый говорил, что это помогает отпугнуть животных, так что подстаховаться не мешало, да еще и подпевал громким, не испорченным уроками вокала голосом старой шведской группе.

– *The gods may throw a dice, their minds as cold as ice,* – орал я, ещё не думая, что слова эти станут пророческими. В тот момент я просто распугивал кабанов.

Притормозил возле поляны, на которой мы еще днем сидели, достал мощный туристический фонарь и принялся обшаривать все кругом. Сумку я нашел минут через пять, Пашка повесил ее на дерево на высоте чуть выше двух метров, да еще ручку закрутил, так что она и днем была бы малозаметна, а уж ночью – я можно сказать случайно на нее наткнулся. Отзвонился Пашке, доложился, спросил, надо ли проверить, все ли на месте, брат резонно заметил, мол, чего там беспокоиться, если что и украли, уже не вернуть. Но я все равно повесил сумку на сучок пониже и поводил фонарем вокруг, мало ли что выпало.

Странно, я отвел луч фонаря от сумки, но она продолжала светиться изнутри. Материал был достаточно плотным, тем не менее свет пробивался через него и особенно через швы. Телефон Пашка вроде не забыл, фонарик давно бы погас. Залез в сумку, и руку сразу отдернул – внутри было что-то очень и очень теплое, почти горячее, вполне возможно, что какой-то неисправный китайский девайс. Нашарил этот пожароопасный предмет, достал.

В руках я держал голубоватый кристалл, светивший с одного конца пронзительно ярким голубым же светом. Другой конец при этом оставался совершенно темным, такое впечатление, что камень сделали из двух разных частей. Кристалл был не идеальным, ровных граней практически не было, он походил на обычный выломанный откуда-то кусок кварца, мне и раньше попадались подобные, но те куски кварца совершенно точно не светились. Значит, вкрапления фосфора. Хотя нет, от фосфора кварц не нагревается, тут что-то другое. Я повращал кристалл и так, и эдак, держа за холодный темный край, словил световой поток глазами и отморгался от остаточного свечения на сетчатке.

Камень этот я наконец вспомнил, тетя Света говорила, что это дядя Толя из какой-то командировки в Африку привез, хотя тот и утверждал, что все это враки и просто нашел булыжник рядом с домом и подобрал, потому что красивый. Наверное, поэтому Пашка так волновался, как-никак, память об отце. Попытался положить кварц на место, но неожиданно ничего не вышло, он словно прилип к коже. Я потряс рукой – кристалл тут же ощутимо

нагрелся даже темной стороной и ощутимо жёг кожу ладони. Я старался стряхнуть камень на землю, отлепить другой рукой, даже ногами пробовал зажать, все без толку, боль усилилась, я бросился к реке, надеясь охладить руку с камнем водой, споткнулся, хорошо приложился головой об землю и потерял сознание.

Глава 2.

Я всегда просыпаюсь сразу. Не ворочаюсь в полудреме, не продлеваю сладкий утренний сон еще на несколько минут-полчасика-час. Открыл глаза, потянулся, сел на кровати, встал с нужной ноги – а они мне обе нужны, бодрый и в хорошем настроении. Сны очень редко помню, если бы не наука, утверждающая, что без снов никак нельзя, был бы уверен, что и не снятся они мне. Но иногда, бывают красивые такие, цветные, и обязательно с увлекательным сюжетом. И тогда я несколько минут лежу с закрытыми глазами, можно сказать – досыпаю, это такое волшебное состояние, когда осознаешь, что уже не спишь, а сон еще никуда не ушел, и можно в нем вполне осознанно сделать что-то героическое, или просто приятное. Я не слишком верю в осознанные сновидения, каждый сходит с ума по-своему, но вот это ощущение полусна, на стыке сознания и небытия – классное.

Последний сон определенно был не то чтобы необычным поначалу, но очень натуралистичным. Будто бы я поперся зачем-то на берег реки на квадроцикле, в ночь, искать Пашкину сумку, которую он потерял, а потом, когда я эту сумку нашел, в ней оказался пылающий огненный эменталь, который проник ко мне под кожу, чтобы захватить зачем-то мое тело, безо всяких предварительных условий и предложений всемогущества, или что еще там они обычно втюхивают. Но вот хрен у него что получилось. Я потянулся и представил себе, как подчинил могучую стихию, вобрал ее в себя, и теплое чувство покоя разлилось по телу, как в те далекие времена, когда я с подачи одной тяжелой на голову знакомой баловался аутотренингом. Люблю тепло, но не жару, сон прямо в руку – надо будет махнуть на юга, как раз к этому времени основная масса туристов уже схлынула, воздух еще держится своих 25-27 градусов, хотя почти сравнялся температурой с морем, белый песочек Пальмиры еще прогревает, но уже не обжигает, вечером прохладно, можно гулять по набережной, посидеть в кафе, заказать паэлью или какие-нибудь морепродукты, белое вино или бутылочку Биниграу. Можно взять с собой Таню или Катю. Или Таню… Да, точно, с Катей мы капитально рассорились.

Пойду и позвоню ей. И помирюсь.

Для этого надо встать.

Что же творится, встать-то я не могу.

Что-то удерживало мои руки, ноги и голову, позволяя чуть шевелиться, но не более. Надо мной тускло светился потолок, видимо, местный дизайнер спрятал светильники за светорассеивающим полотном. Потолка было много, обзор по краям ограничивали бортики, видимо, я лежал в какой-то больничной кровати. Вариантов было два, или я себе что-то сильно переломал, и теперь был закован в гипс, или меня парализовало. Оба варианта оптимизма не внушали.

Чувство беспомощности – самое гадкое. Сделать ничего не можешь, и от этого накатывает паника. Сердце заколотилось, но почему-то почти сразу перешло на обычный спокойный ритм, голова чуть закружилась, стало хорошо и спокойно, я уже не думал о том, что со мной происходит, перестал адекватно оценивать окружающий мир и уснул.

Следующее пробуждение было иным – я уже не лежал, а сидел, одетый в кремовые брюки и свободного покроя рубашку, а напротив меня за столом в кресле расположился Анатолий Громов, умерший два года назад.

– Привет, дядя Толя, – я улыбнулся легко и спокойно, всё встало на свои места. Значит, не в гипсе я лежу или параличе, а помер, и теперь вижу других покойников.

Почему-то другие версии в голову не приходили, и вообще, хоть я агностик и в богов не верю, но на существование загробной жизни втайне, в глубине души, наделся. И настроение к тому же было подходящее, благостное, словно сбросил с себя прошлую жизнь со всеми её грехами и тяготами, и начинаю заново.

– Привет, Марк, – мёртвый Громов явно был рассержен, – какого чёрта ты тут делаешь? Где Павел?

– С Пашкой всё хорошо, – продолжая улыбаться, сказал я, – сумку его нашёл, нога у него вылечится, завтра в Москву поедет. Рано ему ещё помирать.

– Какая нахрен Москва? – дядя Толя похлопал меня по щеке, странно, но прикосновение я почувствовал. – Эй, а ну приведите его в порядок, он же не соображает ничего.

И что интересно, последнее предложение он вроде как на каком-то иностранном языке сказал, но я понял. Потому что тот свет, он такой, на нём всё должно быть ясно и понятно.

Третьего шанса очнуться мне не дали, сознание прояснилось, и я отчётливо понял, что жив, и к тому же здоров. А Анатолий Громов никуда не делся, сидел передо мной.

– Всё, теперь можешь нормально говорить? – спросил он.

– Вроде бы да, – я попытался встать, и мне это удалось почти, но потом кто-то надавил на плечи, и втиснул меня обратно в кресло.

– Хорошо, пошли вон, – сказал он кому-то за моей спиной, и снова упёрся в меня взглядом, – Марк, сконцентрируйся, и обьясни мне, что произошло. Как получилось, что ты здесь очутился вместо Павла?

– Ты мне сначала, дядя Толя, на два вопроса ответь. Где я очутился, и почему ты всё ещё живой? И кстати, отлично выглядишь, операцию пластическую сделал?

Громов поднялся на ноги, за эти два года он только внешне изменился, а взгляд такой же остался, тяжёлый и пронзительный. Я забеспокоился, заворочался в своём кресле, огляделся.

– Ты тоже встань, пройдись, глядишь мозги на место встанут, – посоветовал дядя Толя.

Комната, в которой мы находились, была огромной, примерно, был тридцать на тридцать метров. Все это пространство разбивали на равные промежутки четыре колонны под золото, хотя может, это и было настоящее золото, на глаз не отличить. Они уходили вверх минимум на десять метров, упираясь в белоснежный потолок. В функциональности помещения сомневаться не приходилось – по центру стоял вполне земной переговорный стол буквой П, по диагонали два огромных дивана, разделенных журнальным столиком, предлагали провести более откровенные переговоры, в других отсеках были рабочие места, я бы посадил туда секретарей и возможно, именно так все и предполагалось, напротив входа, обозначенного синим контуром, стоял скромный столик буквально метр на три, с удобным креслом спинкой к окну, и двумя не очень удобными креслами для посетителей.

За этим столом сидело создание, которое просто девушкой назвать язык бы не повернулся. Нимфа? Королева красоты? Идеал моих эротических снов? Когда она поднялась, вся такая прекрасная в обтягивающем белом комбинезоне, откинув прядь белокурых вьющихся волос, от чего идеально очерченная грудь еще лучше очертилась, слегка прогнула свой тонкий стан, опершись руками на стол, кивнула – мне царственно, едва заметно, а дяде Толе чуть ли не в пояс, и, дождавшись от него повелительного жеста, скользящей походкой вышла из этого садового участка, мои гормоны чуть не разорвали меня, как грамм никотина хомяка. Вот честное слово, еще немного, и я бы пересмотрел свои взгляды на холостую жизнь. Хотя бы временно. И наплевать, что двери, в которую это сокровище вышло, не было – просто растворился кусок стены, а потом обратно появился.

– На женщин реагируешь, это хорошо, – Громов похлопал меня по спине, – нравится?

– Очень, – признался я.

– Это хорошо. Потому что новости у меня для тебя разные. Но сначала давай с Пашкой закончим. Ты говоришь, с ним случилось что-то?

– Мы с друзьями каждую осень под конец сезона ездим на рыбалку, рядом с родительской дачей, – начал я издалека.

– Да знаю я эту вашу традицию, – дядя не стал меня торопить, махнул рукой. – Им бы только от семей своих сбежать, но ты-то холостой. Холостой еще?

– Держусь пока.

–Никак не нагуляешься. Хорошо, пошли вы на рыбалку, но как ты сюда-то попал? Прямо во время подсечки?

– Да нет же. Мы в воскресенье расходиться стали, и Пашка сказал, что забыл свою сумку у речки. Когда начал собираться, чтобы съездить, провалился в канаву и ногу подвернул. Ну ты знаешь, он мастак на такие фокусы.

– Да, Пашка такой, – грустно сказал Громов. – Но ты сказал, он жив и даже почти здоров?

– Обошлось вывихом и пораненной рукой. У него кровь ручьем, хотя этому кабану хоть бы хны, ну и в таком состоянии я его не отпустил никуда, сам поехал к реке. Сумку нашел, а в ней кварц, помнишь, у вас в доме лежал, голубой такой кристалл, который ты на помойке нашел?

– Ну да, помню. Продолжай.

– Я за этот кристалл схватился, и обжёгся, он был почему-то очень горячий, и прилип ко мне, я его отрывал, что только не делал, никак не отваливался. Ну я и решил в речке его искупать, чтобы хоть руку охладить. Но не дошел, споткнулся обо что-то, упал, и вот здесь сижу.

– Вот как оно получилось, – дядя встал, поглядел в окно. – Камень этот не простой. Портальный амулет.

– Значит, мы теперь где-то в Южной Америке? – уточнил я. Почему-то мысль о том, что существует телепортация, казалась мне естественной.

– Мы, Марк, даже не на Земле. Точнее, не на той Земле, где ты родился

Дядя вытянул руку вперёд, и на ладони у него появился искрящийся шар. Я смотрел во все глаза, руку даже протянул, чтобы потрогать, но по этой же руке и получил.

– Не делай так больше, убить может, – Громов сжал кулак, и шарик пропал.

– Это голограмма?

– Нет, это, Марк, шаровая молния, самая настоящая.

– То есть волшебство?

– По-простому, да.

– И ты вроде как волшебник? – ехидно спросил я.

– Не вроде, а волшебник, – спокойно ответил Громов. – В твоём мире это почти невозможно, а здесь сплошь и рядом. Только это не волшебство, а пси-способности.

Он махнул рукой, и в воздухе возникло изображение Земли, той, которую нам из космоса в Гугл-картах показывают, с небоскрёбами и египетскими пирамидами, а рядом другое, совсем другое. Нет, океаны и континенты были на месте, а вот с политической географией у авторов глобуса всё было нехорошо.

– А Луна тут есть? – осторожно уточнил я.

– Здесь та же Земля, что и твоя родная, абсолютно такая же, то же самое Солнце, звезды, Луна и Юпитер с Марсом. А сама планета лучше, да. Народу меньше, экология чище, ну и технологии, сам видишь – продвинутее. Про параллельные вселенные слыхал?

– Конечно, одиннадцать измерений, теория струн, кротовые норы и черная материя, – поделился я своими знаниями, почерпнутыми из интернета и сериалов. – Мы же, экономисты-теоретики, так себе все и представляем.

– Не иронизируй, – строго сказал дядя Толя. – Именно что параллельные. Так что это точно такая же Земля. Сейчас ты, если по карте смотреть, где-то в районе Курска.

– Раз вселенные параллельные, – я уже внутренне согласился с тем, что телепортировался, – тут может я сам есть, или родители. Вроде это запрещено, когда попадаешь в мир, в котором есть ты сам.

– Насчёт этого не беспокойся, тебя тут точно нет, и родителей твоих. Тут и России нет, и других стран, и не было никогда.

– А похожие Земли тоже есть? Такие, как моя?

– Есть, – дядя кивнул, – как не быть. Тот мир, где мы сейчас – центральная Земля, или Земля-ноль. Различия между нами появились несколько тысяч лет назад, так что они существенные, накопилось, сам понимаешь. А вот есть миры, которые с твоим на сотню-другую лет разминулись, там да, может многое быть одинаково, хотя туда ты как раз не попадешь, двойник твой там наверняка есть, насчёт парадокса двойников ты совершенно прав.

Он смахнул Земли, словно стёр.

– А как ты-то сам здесь оказался? – поинтересовался я.

– Ты, Марк, рассуждаешь правильно, только исходные данные неверные. Здесь я был с самого начала, а оказался на вашей Земле. Помнишь, как тетя Света меня к вам привела?

– Да как я вспомню, дядя Толь, я ж тогда под стол ходил на горшок.

– Точно. В общем, на вашу Землю я попал в том же году, когда ты родился, а с тетей Светой познакомился, тебе два года уже стукнуло. Камешек не забыл, за который схватился? Вот таких камней у меня с собой было два, с одним я сюда вернулся, а второй Пашке оставил. Он должен был ближе к вашему Новому году сюда переместиться, уже все было обговорено с ним.

– Погоди. Так Пашка знал? И вот так все бросил бы и сюда? Хотя что я спрашиваю, раз вы договорились. Вот паразит, хоть бы намекнул. Друг, называется. А тетя Света?

– И она тоже. В смысле знала, но сюда не захотела со мной переходить. Я ей все сразу рассказал, как только сын родился, но она никогда особо не верила.

– То-то она не особо печалилась, когда ты пропал, мать ее все за это ругала. А мы ведь тебя, дядя Толь, поминали три раза в год. В день рожденья твой, ну видимо тот, который по документам, на день военного разведчика и когда похоронка на тебя пришла, письмо из министерства обороны. И орден тебе посмертно дали, вручили тете Свете.

– Что за орден?

– За военные заслуги.

– Негусто, – дядя Толя поморщился, – после двух Красной Звезды и трех Мужества могли бы и Героя дать. Шучу, Марк, шучу, здесь эти побрякушки только для меня ценность имеют. Ну как, полегче стало?

– Нет, – признался я. – Слишком спокойный, наверное, должен нервничать, столько новой и неожиданной информации получил, и знаешь, как должное это воспринимаю.

– Ну а ты что хотел? – развеял тот мои сомнения. – У тебя еще минимум две недели после перехода гормональный фон будет скакать туда-сюда, так что в целях профилактики кое-что ввели, а то натворишь дел, а мне расхлебывать. Не наркотики, не привыкнешь, а вот для адаптации поможет. Кое-какие всплески будут, но сглаженные.

– Понял. А с Пашкой-то что?

– Тут ситуация такая. Портальный камень при переходе должен был остаться с тобой, но его не нашли, значит, варианта два. Или он на месте остался, Пашка его отыщет и сюда перейдёт. Или разрушился, что тоже случается. Тогда придётся за ним кого-нибудь послать, заодно сможешь родителям сообщение передать, чтобы совсем не скисали. Так хоть будут знать, что с тобой все нормально, жив-здоров.

– То есть Пашку вы вытащите, а меня обратно не сможете? – обиделся я.

– Тут ты сам виноват. Портальные камни на определённых людей настроены, и здесь таких людей немного. Ты точно к ним не относишься. Поэтому попал ты сюда, Марк, навсегда, можно сказать, билет в один конец купил. Я тебе только посочувствовать могу, а реально помочь никак не получится.

– Но есть возможность родителей успокоить, да?

– Да. Ты, Марк, не кисни, кем бы ты был там, в своём мире? Обычным человеком. А здесь можешь в космос полететь – галактику мы почти всю освоили, или даже псионом стать, если повезёт.

– Псионом – это волшебником? А мне повезёт?

– Не хочу тебя заранее обнадёживать, – дядя улыбнулся, – но у тебя эти способности есть. Только они приобретённые и очень слабые, кристалл, который тебя перенёс, твой организм немного изменил, точнее, без этих способностей ты бы сюда живым не попал. А дальше уже как получится, если не пропадут, то сможешь их развивать, и это, Марк, товой джек-пот. У нас в мире псионов много, но если среди всего населения считать – мизерные доли процентов.

Я сразу представил, как швыряюсь молниями и вызываю дождь. Это было приятно, действительно, что я у себя на Земле увижу и смогу?

– Тут любой маг ценен, если у него способности хоть как-то позволяют этой пси-энергией пользоваться, – продолжал Громов, – Я, к сожалению, не слишком силен, хотя не такой слабак, как ты, а вот Пашка – тот еще покажет.

– Да ладно, Пашка – и волшебник. Что-то не наблюдал за ним таких склонностей, – засомневался я. – Если только в неприятности влипать – это колдовство, тогда да, колдун тот еще.

– Что есть, то есть. Кстати, ты замечал, что из неприятностей этих он легко выкарабкивался? Даже в вашем мире это проявлялось, а здесь вырастет многократно.

Хозяин кабинета меж тем провел рукой над столешницей, две чашки со слегка дымящим напитком появились из ниоткуда. Вот она, магия!

– Технология, – разочаровал меня родственник. – Чай, самый лучший. Помню, что ты горячий не любишь, так что подожди, постынет немножко, а я вот так, кипяточек

Он отхлебнул из чашки.

– Пей, сколько хочешь, если надо, еще сделаю. Я ведь тоже почти в такой же ситуации, как ты, когда-то оказался. На вашу Землю по дурости попал, кроме как воевать ни на что не способен был, уж очень низкий магический фон, а накопители и амулеты в переходе в ноль разряжаются, ничего с собой не пронесешь. С дедом поругался и нажрался, уж ты знаешь, как я могу, если вдруг припрет. Водка – зло, а если она еще магически обработана, то…

Он махнул рукой и скривился.

Я кивнул головой, придвигая себе чашку, аромат от нее шел просто божественный – уж как дядя Толя гулял в свои редкие, но насыщенные приезды, весь город знал. Городское, да что там – областное начальство запасалось заранее мезимом, антипохмелином, рассолом и корвалолом на всякий случай, потому что от участия в грандиозной попойке увильнуть не удавалось никому, ни язвенникам, ни трезвенникам, ни прокурорам. Видимо поэтому Пашка практически не пил – насмотрелся на папашу.

– И обратно не пройти, фон низкий, больше тридцати лет ждал, пока амулет зарядится и меня выкинет, – продолжал делиться своими бывшими проблемами дядя. – Магия почти не работает, только ментальная еле-еле, только и хватило, чтобы легализоваться, документы в рязанское училище подать, а потом с тетей твоей познакомился, Пашка родился, да я и вроде прижился кое-как, работу по профилю нашел, можно сказать. Светка в курсе была, знала, что в какой-то момент исчезну, но сюда ни в какую. Отказалась – мол, не хочет неизвестно где и кем быть, будет ждать. Пашку вот разрешила забрать, и то хорошо. Ну как тебе?

– Необычно… И про чай, и про то, что ты рассказал. Если бы не родители, прыгал бы от счастья, новый мир, магия-шмагия, дядя-волшебник, девушки у вас красивые. Но что сделано, то сделано. Ты ведь не виноват, что я тут очутился.

– С этим еще голову поломать придется, – Громов поставил пустую чашку на стол, и она исчезла. – Я говорил уже, для переноса амулет должен быть на тебя настроен, это делается через специальный ритуал, после которого кристалл на время привязан к владельцу. Как

неразменный рубль, его можно терять, разбивать, попробовать уничтожить – все равно к тебе вернется. С Павлом я эту активацию пролал, когда ему пятнадцать было, так что странно все.

– Ну я вроде как в крови его испачкался, Пашка поранился еще перед тем, как я его сумку поехал искать и этот камень нашел.

– Нет, – дядя махнул рукой, – было бы все так просто. Даже если клона из тебя вырастят, он не сможет твоим амулетом привязанным пользоваться. Но это пусть ученые себе голову ломают, как ты систему взломал, обследуем тебя, полежишь в капсуле, заодно придумаю, куда тебя пристроить. А пока осваивайся, впитывай информацию, линк тебе вживили, будешь всё время на связи.

– Какой линк? – заволновался я.

– В голове у тебя штука такая, вроде привычного мобильного телефона. Экран не нужен, будешь всё видеть хоть открытыми, хоть закрытыми глазами. Заодно он тебе и маршрут нужный проложит, и двери откроет, ты не волнуйся, тут у всех такие. На первых порах палец к виску прикладывай, а потом и без этого обойдёшься, привыкнешь. Одна из функций твоего линка –подключение к местной сети, изучай, куда попал, если что непонятно, или меня спрашивай, для остальных гостей поместья ты мой дальний некровный родственник с другой планеты, с чудом обнаружившимися способностями и слабыми знаниями об окружающем мире. Имя свое оставишь? А то можно поменять.

– Нет, буду Марком Травиным.

– Вы ведь там из графьев? Извини, тут титулы вашей реальности не действуют.

– Ну во-первых, советская власть титулы все отменила. А во-вторых, дядя Толя, ты прекрасно знаешь, что мой прадед, Травин Сергей Олегович, старший майор госбезопасности, ну или генерал-майор по-военному, по всем анкетам, которые наверняка только что под микроскопом не изучали, был из крестьян Сальмисского уезда Выборгской губернии. Это отец мой всё с дурацкой идеей носился, что мы, мол, из князьев, прикольно, конечно, только вот против фактов не попрешь.

– Да помню я, даже меня батя твой подбивал по архивам каким-то искать, хотя какие там архивы, финны что было, все сожгли. Ладно, не хочешь имя менять, как пожелаешь. Приветствую тебя на Земле-ноль, лу Марк Травин, – дядя встал, торжественно потряс мою руку. – Будь достойным представителем своей планеты, точнее говоря – реальности.

– Почему лу? – удивился я.

– Это значит, что ты обычный человек, а не эре – раб, или не зу, это вроде как дворяне по-вашему.

– А ты тогда кто?

– Ты на меня посмотри, и палец к виску приложи, – посоветовал дядя.

Я так и сделал.

– Эн Громеш?

– Он самый. Громеш – моё родовое имя, как твоё – Травин. Эн – значит здесь, на материнской планете, я владею клочком земли, и поверь, дружок, это очень, как ваше поколение говорит, круто. А теперь, Марк, ещё раз приложи палец к виску, и представь, что хочешь пройти к себе в комнату.

На полу появлся зелёный пунктир.

– Видишь? Вот и иди. Разбирайся пока сам, что к чему, меня по пустякам не дёргай, хорошо? Осмотрись, по парку погуляй, сходи пообедай, в общем, займи себя чем-нибудь, а у меня дела.

Кусок стены исчез, и дядя эн Громеш выпихнул меня в широкий коридор.

Мне ничего не оставалось, как последовать совету чудом воскресшего родственника. В парк – значит в парк, тем более что есть, спать, пить и прочее я не хотел, а энергии было хоть отбавляй, видимо сказывался продолжительный отдых в инопланетном лечебном аппарате.

Глава 3.

Оставшись один в кабинете, эн Громеш поднялся с кресла и подошел к окну. Уртаки – отличный манор, за два года, что он им владеет, уже успел привыкнуть, это не в отсталом мирке военную лямку тянуть.

Дверь отворилась бесшумно.

– Это ты, Элика, срочное что-то?

– Да, мой энгун, – раздался от двери совсем не женский голос.

В прыжке Громеш оказался перед столом, ноги его подогнулись, и владетельный сеньор плюхнулся на колени, склонив голову до пола.

– Смотри, внучок, сколько лет прошло, а ты все такой же быстрый и почтительный, – прокряхтел сморщенный дедок, походя пнув ногой распластавшегося на полу Громеша и вскарабкиваясь на кресло хозяина, – ладно, хватит на земле валяться, вставай. Что за холопская поза, где там выкрики типа «Я российский офицер» и «Русские не перед кем не кланяются»?

Громеш легко поднялся на ноги.

– Русские не сдаются. Давай, дед, выкладывай, зачем пришел. На родственника нового посмотреть? И что у тебя с лицом, никак решил состариться специально?

– С лицом все в порядке, биологический возраст к фактическому приближаю. А что до племянника твоего – чего я там не видел, – старик скривился. – Очередная ошибка портального камня из отсталого мира. Он ведь из твоего мира?

– Никакой он не мой, – энгун насупился.

– Ладно-ладно, парень этот, как ни крути, родственник, практически в Семье, или как там называют это у вас?

Младший Громеш засмеялся.

– Мафия, дед. Вот ты прям крестный отец. И не у нас, я отлично понимаю, кто я и где моя родина.

– Ну-ну, договоришься, крестный отец – это наш лугаль, а мы так, прах под его ногами. Ты мне вот что скажи – что с ублюдком своим делать собираешься? Он и вправду так хорош?

– Сложно сказать. Но вот я, к примеру, заряжал портал больше тридцати лет.

– Немудрено, псион из тебя так, сопля мелкая, обычный Видящий. Сколько ты там для этого народа порешил?

– Почти двести человек, – младший Громеш небрежно махнул рукой.

– Это с теми шестью твоими бойцами, которых ты прирезал прямо перед отправкой? А если бы портал не сработал?

– Он уже почти полный был. И вообще, дед, ты вспомни своего приятеля по академии Ари Сашона, который в той вероятности отметился. Убедил тамошнего палача, что тот его отец, почти три тысячи человек казнил собственной рукой, пока амулет заряжал, детишек там оставил. Я про него в сети местной информацию нашел, известный человек, между прочим. Великий Сансон!

– Дядя Ари каждый год присылает тебе подарки на Праздник убийцы, – строго заметил нун, – и вообще, эти аборигены сами неплохо справляются с истреблением себе подобных, мы по сравнению с ними так… дилетанты мягкотелые. Что там со вторым кристаллом?

– А второй, – Громеш усмехнулся, – с ним все в порядке было до недавнего времени. Мой парень за пятнадцать лет без всяких жертв маяк зарядил.

– Хорошо, – дедок одобрительно покачал головой. – Он, ты говорил, лекарем там работает? Может, больных своих прикончил?

– Он травматолог, это такой целитель, который переломы и растяжения лечит, у него люди живыми остаются.

– А остальное не может?

– Может, но плохо. Там у каждого целителя своя специализация, кроме этого, они ничем не занимаются.

– Дикари, – старик вздохнул, отщипнув виноградину с появившегося на столе блюда, – Так значит, уровень у твоего ублюдка на младшего жреца тянет, не меньше – в мире, где магии нет практически. Это хорошее приобретение для семьи. И перенос этот, что-то мне подсказывает, что сынок твой кровью этого Марка привязал, и заметь – хоть бессознательно, а на уровне мугиба – старшего жреца, да еще в мире, где колебания поля почти нет. Так что твой Пашка, как ты его называешь, нам пригодится. Анур сейчас здесь, его за ублюдком пошлем, что-то подсказывает мне, что кристалл мы просрали. Цени, внучок, Анур за шиклу работать не станет, ману придется платить. Вспоминай, где ты там богатство разбросал.

– Спасибо, нун, – Громеш опять растянулся на полу.

– Давай-давай, еще поелозь, чище будет. За портальный амулет спрошу, обнуление сам знаешь сколько стоит, а еще новый привязывать к этому мирку придется, и за доставку твоей кровиночки тоже. Не беспокойся, все посчитаю. Должен будешь так, что не расплатишься.

Старик вылез из-за стола, прошелся по кабинету, заглядывая в углы и делая пассы руками.

– Только сегодня проверял, – обиженно заметил поднявшийся Громеш.

– Ничего, лишний раз не помешает. Ублюдка твоего заберу, как только появится. Он теперь собственность семьи, уяснил?

– Да, нун, твое слово – закон.

– Не паясничай, именно так и есть. Как ты собираешься с младшими Конташами расплачиваться? Долг-то за тобой висит.

– Не знаю, – младший Громеш помрачнел, – есть одна идея, но не факт, что она тебе понравится.

Старик засмеялся, хлопнув ладонью по столу.

– Тоальке, ты как ребенок, совсем в других вероятностях размяк, и не скажешь, что уже восемь десятков разменял. Знаешь же основной закон. Есть долг – отдай, не можешь отдать – убей. Эта семейка ничего от нас не получит, а посмеют рот раскрыть, нам только повод дай. Сотни лет не прошло, как мы вырезали семью Уришей почти под корень, отобрали систему Трех волов и два манора здесь, а там и повода-то особого не было. И ни один шакал не тявкнул что-то против, потому что мы, Громеши – сила, мы старшая семья, и об этом надо напоминать время от времени. Вот если эгир за них вступится, тогда да, придется чем-то расплачиваться, а до тех пор не забивай себе голову пустяками. У нас проблемы поважнее есть.

– Это какие? – Тоалькетан перестал изображать из себя половую тряпку и присел на край стола. У любимого внука были свои привелегии.

– Ну хотя бы то, что я скоро уйду. Погоди, – дед поднял ладонь, – не завтра же. Еще лет двадцать побарахтаюсь, а вот потом точно уйду. Еще недавно жертва раз в пять лет помогала, а сейчас вот уже третью за последние два года пришлось… А где мы столько возьмем, клонов Богиня не хочет принимать, ей обычных людей подавай, да еще с даром, а каждый в два ману обходится, даже во внешних мирах приходится заказывать. Какое-то время я продержусь, но потом придется дела в порядок приводить. И не ждите, что после обряда я буду влезать в дела семьи, тем более что и не дадут мне, так что готовься, ты и твоя сводная сестра будете сильно заняты эти годы. Ну в основном она, ты-то у нас дурачок, на подхвате будешь. Вот ведь глупый закон, нельзя женщину во главе семьи ставить.

– Но она же…

– Она твоя сестра, болван. Мы сами взяли ее в семью.

– Да, нун, – младший Громеш почтительно склонил голову. – А отец?

– Иту – герой войны, – скривился старик. – Он – Видящий, причем не из последних. Но это не отменяет того факта, что твой отец – идиот похлеще тебя. Эгир даже слышать о нем не хочет. Я долго терпел его выходки, даже то, что он почти пять миллиардов кредитов из фонда нашей корпорации на какую-то девку спустил. Сперма, видите ли, по мозгам ударила, хотя какие там мозги, кость одна. Плазмотроном не прошибешь.

– Но почему? Он же никогда не влезал в дела семьи.

– Помнишь, как он чуть не профукал систему Пятна с практически уже атмосферным планетоидом? Мы на одно только терраформирование истратили почти триллион, двести лет на это ушло, развернули орбитальную сеть, наладили добычу из астероидного пояса, а он решил выгодную сделку провести. И с кем, с Менкху, этими шакалами, которые до сих пор людей живьем жрут.

– Зато живут долго.

– Тут ты прав, внучок. Мы настороже, следим за ними. Но там была доля эгира, так что с отцом твоим вопрос решеный. На должности командующего он послужит лучше, чем на месте главы семьи.

– И он не против?

– Есть люди, которые дуют ему в уши, убеждают, что из него получится отличный нун, но это все происки других семей. К тому же штурмовые бригады – за тебя. Или ты не хочешь занять мое место?

Младший Громеш поднялся, подошел к окну, дед спокойно ждал.

– Знаешь, нун, я не самый лучший умун-управитель, и потенциал у меня небольшой. Поглядеть со всех сторон, я неплохой служака, но никакой начальник. И честно говоря, мне не хочется влезать во все эти дела. Если надо тебя поддержать, я постараюсь. Но вот так сесть и решать судьбы тысяч людей здесь и миллиардов во внешних мирах, не думаю, что у меня получится. Вот Марика – да, ей это нравится, она и по пси-уровню почти как ты в молодости. К тому же и я наполовину Уриш, не боишься, что одна часть меня ненавидит другую часть?

– Жаль, что вы брат и сестра, хоть и сводные, – дед вздохнул и посмотрел на внука. Прищурясь.

– Нет, мы обсуждали этот вопрос не раз.

– Ну ладно, время еще есть. Твою мать убил твой собственный дядя по приказу ее отца, не так ли?

– Так, – эн Громеш вздохнул. – Вот поэтому и не хочу, дед. История любой из наших семей – это сплошные кровавые разборки между родственниками. Сейчас я должен пойти против своего отца, он хоть и терпеть нас не может, но все равно, не мое это. Иногда вот хочется плюнуть на все и уйти обратно.

– И что тебя держит? Молчишь, так я расскажу. Подруга твоя через двадцать-тридцать лет в том мире будет глубокой старухой, а может и умрет, и ты рядом с ней, обратно-то уже не перебраться, а мугибов там нет, восстановить некому, и медкапсул тоже. Так?

– Так, – младший наклонил голову.

– То-то же. И вообще, на все воля лугаля.

– Да, – эн Громеш рассмеялся. – Ты еще скажи – энси.

– А что с ними не так? – дед улыбнулся.

– Только не говори мне, что тоже веришь в сказочки о всемогущих жрецах.

– Верю, почему бы нет. Надо же во что-то верить. К тому же кристаллы – вот они, сами не появляются.

– Прямо вот представляю, как великий и всемогущий энси сидит на ящике с амулетами порталов и продает всем желающим за ману, – поморщился внук. – За пять тысяч лет он должен был достичь в этом деле совершенства.

Дед рассмеялся.

– Ладно, ты что с пришлым делать хочешь?.

– Не знаю пока. Вероятность у них заурядная, ты же помнишь, даже нечего Совету показывать, аналитики говорят – там еще максимум лет тридцать-сорок, и они сами себя уничтожат, так что мир схлопнется просто – нет людей, нет реальности. Кстати, дед, ты бы под это скостил долг, кристаллы сами обнулятся, когда мир исчезнет.

– Ну исчезнет он или нет, неизвестно. А ману за очистку эсин, которого, по твоим словам, не существует, сейчас потребует, так что никаких тебе не будет поблажек. Так что с этим, Марк его вроде зовут?

– Как псион он слабый, интеллект чуть выше среднего, надо сказать, и в его реальности он особо не блистал. Изворотливый – это да, предприимчивый, с людьми, если нужно, ладить умеет. Интуиция опять же, не отнять, видимо поэтому мозг и перестроился во время переноса, настроился на потоки. Все, что есть сейчас – сильный ментальный блок, почти двести единиц, но в его случае это скорее минус, кому нужен такой работник, скрытный и плохо обучаемый, да еще разгильдяй. Он даже не Видящий, хотя, возможно, и будет.

– Он родственник твой, а значит, хоть и где-то внизу, но в Семье. Манор ему не светит, и должность приличная тоже, но работой его обеспечим, тем более что пси есть, во внешних системах найдем куда приткнуть. Пусть занимается, набирается знаний, преданности роду, обеспечь, чтобы зависел от нас во всем, но на коротком поводке не держи. Пусть и магию попробует, и что-нибудь попроще, вроде пилотирования. Новые системы – они требуют людей, не внешников же на ключевые должности сажать. Ну а если что случится с ним, не велика потеря, секретов он никаких не знает, про мир свой болтать не будет – я ему блок поставлю, на эту мелочь меня хватит. Кроме твоего лекаря, кто еще про перенос знает?

– Рук и Далх. Но им сразу мозги промыли, ничего не расскажут.

– Хорошо. Значит, только лекарь остается? Никому не растрепал еще?

– Никому, я слежу.

–Пусть им займется ан Траг, только без всяких глупостей, скорректировал – и все. Знаю я его, только дай одаренного для опытов, до последней клетки разберет. Кстати, вот его и поставишь к этому Марку, пусть обучит с пси-модулем работать, сколько он берет?

– Для нас бесплатно, а так – три шиклу за месяц.

– Ну это ничего, потом к долгу новенького приплюсуешь. Да?

– Сделаю.

– Ну вот и славно. А теперь вали отсюда, и пришли мне свою сестру. Надеюсь, хоть с ней проблем не будет.

Глава 4.

К исчезающим участкам стен я привыкнул быстро, те места, где они находились, обозначались кружочками. К синему кружку можно было прижаться любой частью тела, хоть пяткой, монолитная на вид конструкция растворялась, образуя проход, и зарастала, стоило через него пройти. А вот оранжевый кружок, к которому подходили пунктирные линии, потребовал прикосновения симлинка, и только после этого выпустил меня наружу.

В отличие от того места, откуда меня, по словам родственника, перенесло, здесь было не только тепло, сухо и свежо, природа словно подстраивалась под человека. Надо мной светило солнце, но невдалеке я заметил тучку, и из неё шёл дождь. Словно из душа, поливал конкретное место. Воздух ничем не отличался от земного, чище только, вкусный и плотный, как в лесу после дождя, с ароматом сирени и цветущих яблок, в который добавили немного терпкости. Дышалось легко, полной грудью, сила тяжести тоже была привычной, словно и не исчезал никуда. Но всё равно, чувствовалось, что я определённо не дома. На подсознательном уровне.

Парк радовал глаз, островки идеально подстриженных деревьев чередовались вылизанными до совершенства лужайками, перемежаясь каскадами фонтанов и мраморными портиками. Беседки, в кажущемся беспорядке раскиданные то тут, то там, были окружены кустами роз, посаженными на одинаковом расстоянии друг от друга. Все было просто идеально – что удивительно, не наблюдалось армии садовников, стараниями которых вся эта красота существовала. И вот среди всего этого богатства я, как король, в роскошной бирюзовой рубашке и кремовых штанах, шёл добывать себе еду.

Пунктир ложился на дорожку, мощеную гранитной плиткой, и вот уже несколько минут она не прерывалась, не разветвлялась и с другими дорожками, иногда видневшимися неподалеку, не пересекалась. Я и не пытался перейти куда-то еще, другого навигатора мне не выдали. И попутчиков тоже, безлюдность парка поражала, ни в беседках, ни на дорожках, даже у нескольких встреченных по ходу движения бассейнов никого не было. Ни алкашей с бутылкой и нехитрой закусью, ни мамашек с колясками и орущими детьми, ни собачников, с помощью питомцев удобряющих зеленые насаждения. Я уже начал было думать, что оказался единственным бездельником среди этой роскоши, и вся эта красота только для меня одного, но тут дорожка резко свернула через какой-то островок густо заросших деревьев, и я оказался на краю открытой поляны, посреди которой на корте две девушки играли в теннис. Дорожка прервалась, пунктир проходил прямо через игровую площадку.

Странный искрящийся мячик летал через висящую в воздухе без всякой поддержки сетку – от блондинки к брюнетке и наоборот. Я невольно залюбовался стройными девичьими фигурками в белых обтягивающих маечках и юбочках намного выше колен, на вид им было лет по 18-20, обе так были увлечены игрой, так что совершенно меня не замечали. У блондинки игра не задалась, она старалась, но разница в классе на мой дилетантский взгляд была уж слишком заметна, брюнетка выносила почти все свои подачи с одного удара.

Можно было бы обойти поляну по краю и отправиться дальше, но я решил ненадолго остаться. Во-первых, погода стояла отличная, солнце припекало, ветерок освежал, и я чувствовал прямо-таки неодолимую потребность посидеть какое-то время среди этого великолепия. Ну а во-вторых, кроме родственника и его розового медицинского помощника, в этом мире мне довелось встретить совсем немного людей (строго говоря – тех военных, которые волокли меня в медицинский блок). Постояв пару минут и решив, что никому не помешаю, я присел стоящую с края поляны скамеечку с высокой спинкой, и принялся наблюдать за игрой.

Скамейка, несмотря на деревянные планки, оказалась необычайно удобной, казалось, дерево само подстраивается под все изгибы моей задницы и спины, вот так сидел бы и не вставал.

На корте страсти накалялись. Раздосадованная неудачами блондинка все чаще мазала, занося мяч за пределы корта. Ее напарница смеялась и выкрикивала явно что-то обидное на непонятном мне языке, от чего блондинка злилась еще больше. Подачи перешли к брюнетке, и тут блондинке улыбнулась удача, она наконец-то дотянулась ракеткой до мячика, и с радостным воплем жахнула по искрящемуся мячу.

Прямо в мою сторону.

Ну как так можно было так промазать, подумал я, разглядывая выжженное отверстие в спинке скамейки сантиметрах в десяти от моего плеча. Сквозь него отлично было видно траву, часть ствола дерева, росшего за скамейкой, цветочки. Сердце гулко ударило несколько раз и замерло, индикатор на запястье немного изменил цветовой оттенок. Я внезапно понял, что еще чуть-чуть, и мои приключения на этом могли закончиться. Неприятное чувство холода появилось внизу живота, напрочь убивая просыпающегося червяка и его потребности. Но тут надпочечники впрыснули адреналин в кровь, голова сразу стала работать лучше, расслабленность исчезла вместе с чувством страха, и артериальное давление слегка подскочило.

У меня такое с детства бывает – иногда, если назревает что-то опасное, паникую, пытаюсь всеми силами этого избежать, трушу отчаянно, прям аж башню сносит от мнительности и возникающих в голове вариантов неблагоприятного развития событий, но уж если момент невозврата прошел, голова становится ясной, чувство страха проходит, а решительность и способность трезво мыслить наоборот – возвращаются и усиливаются.

Девушки наконец-то заметили меня, брюнетка, с недовольным видом подбрасывая на ладони еще один такой же искрящийся мяч, что-то приказала блондинке. Та с таким же недовольным видом направилась в мою сторону, поигрывая ракеткой, словно битой. Не дожидаясь, пока аборигенка подойдет вплотную, поднялся со скамейки и с не менее недовольным видом пошел ей навстречу.

Не доходя пары шагов, блондинка остановилась, я последовал ее примеру – может, тут так принято, близко не подходить, личное пространство и возможность для маневра есть.

– Ты кто такой? – не слишком любезно спросила теннисистка. – Кто позволил тебе здесь ходить?

На некоторые вопросы лучше не отвечать. Как раз вот на такие – ответил, значит тот, кто задал его, имел право спрашивать. Я молча стоял и смотрел на нее. Блондинке это явно не понравилось.

– Что молчишь, не умеешь разговаривать? Тупой, да? На кухне работаешь? Садовник? – Она все больше заводилась, сделав шаг вперед и тыча в меня ракеткой. Я явно ее раздражал. – Отвечай, когда тебя спрашивают, иначе пожалеешь.

Если не вспоминать о теннисном мячике, пробившем с легкостью спинку каменной скамьи, то выглядела моя собеседница со всем этим ее грозным видом и насупленной мордашкой очень забавно.

– Уже пожалел, – совершенно искренне ответил я и отобрал у нее ракетку. Все равно пользоваться ей не умеет. – Слушай, давай потом поговорим, у меня тут дела, так что вечером приходи.

– Куда? – оторопела она.

– Посидим, чаю попьём,– аккуратно обходя девушку, предложил я. – Можешь даже подругу свою привести.

– А зачем нам подруга?

– Вот именно, – окончательно поставив в тупик блондинку, согласился я. – Помешает только.

Девушка обернулась к оставшейся на корте брюнетке, явно ища поддержки, но та не торопилась её поддержать, достала откуда-то ярко-оранжевый фрукт и откусывала от него по маленькому кусочку, явно растягивая удовольствие и всем своим видом показывая, что все происходящее ее совершенно не касается. Любят женщины подставлять своих подруг, этого у них не отнимешь, натура такая бабская.

– Пожалуй пойду, очень был рад встрече, очень, – попытался я избавить блондинку от когнитивного диссонанса, аккуратно кладя ракетку на скамейку. Обошел девушку, направляясь по краю корта к противоположной опушке, где вроде бы виднелась такая же дорожка. Да и пунктир как раз туда вел. – Хотя, может быть, ты скажешь, как пройти в библиотеку?

– Со вторым уровнем доступа тебе туда вход закрыт, – подала наконец голос брюнетка, приблизившись к нам. – Так что советую выбрать какую-то другую цель. Ты ведь куда-то шел?

– Ищу, где поесть, – повинился я, слыша недовольное сопение за плечом. – Очень кушать хочется. Хотя бы пельменей.

Сзади последовал едкий комментарий о плебейской еде. Прям спинным мозгом почувствовал, что еще немного, и огребу ракеткой.

– Тебе туда, – брюнетка махнула рукой как раз в сторону дорожки, потеряв ко мне всякий интерес. – Илани, ты уже узнала все что хотела? Тогда возвращайся на место, продолжим.

– И что, мы вот так отпустим этого наглеца, – голос сзади сочился бешенством. И правда, нехорошо я поступил.

– Илани, простите, если вдруг вас обидел. – Я обернулся, слегка поклонился блондинке. – Слегка растерялся, когда вы попытались меня тут шариком убить, но буквально на секунду. А сейчас вижу, что вы случайно и не со зла.

Илани потрясла головой, видимо, редкие мысли в кучку собирала, брюнетка что-то там хрюкала себе, вернувшись к фрукту, так что ответа дожидаться я не стал, сразу видно – прощен, и поспешил к разрыву дорожки.

С одной стороны, нельзя бросаться всякими опасными мячиками в незнакомых людей, а с другой, я тоже хорош, даже не спросил разрешения посмотреть на игру. Хотя кто знает, какие здесь правила поведения, может быть, я им смертельное оскорбление нанес и по тонкому льду прошелся. Прямо по ниточке. В некоторых странах жену чужую с открытым лицом увидишь и все, насильник. И это у нас, а здесь могут быть совсем другие, еще более строгие правила. Увидел в мини-юбке – голову с плеч. На топик взглянул – подвешивание за тестикулы над муравейником.

Вот что стоило мне сразу извиниться и уйти, нет ведь, решил блеснуть остроумием, шутками, которые и на моей родине не все поймут, а тут и подавно, все никак не повзрослею, четвертый десяток уже, а веду себя иногда как пацан. Разозлил ни в чем не повинную девчушку, надо будет потом как-нибудь загладить вину, при случае.

Ну вот прямо спиной чувствовал два взгляда, пока не скрылся за деревьями – один злой, а другой насмешливый. Брюнетка та еще язва, и на дядю Толю чем-то похожа, не иначе как родственница. А ведь значит и моя тоже, но не кровная, можно и подкатить.

До местной столовой я дошел буквально за пару минут, без приключений и опасностей. Привычно уже приложив светившийся прежним зеленым цветом симлинк к оранжевому кругу, и миновав холл с пустыми диванчиками, по ходу пунктирной линии оказался в небольшом, метров сто – сто пятьдесят квадратных, помещении, заставленном обычными пластиковыми столами и стульями. Вместо окон экран во всю стену показывал техмерные картины природы, явно не из этих мест – море, острова, пальмы, девушки в купальниках и без. Легкая эротика сопровождалась тихим, едва слышным наигрышем на клавишных, очень мелодичным.

Народу практически не было, за столиком в левом дальнем углу сидела компания из трех мужчин и одной девушки, они пили какой-то ядовито-оранжевый напиток из одного большого

стеклянного кувшина, по очереди, прямо из горла, что-то громко обсуждали и смеялись. Все они были в однотипной форме без погон, видимо, из одной военной части. Хотя откуда мне знать, как тут принято, может быть это повседневная одежда, а военная форма как раз на мне. Бирюзовая рубашка – никак не ниже полковника, полагаю. Кремовые брюки – авиация, кроссовки – тяжелый штурмовик, симлинк за запястье – диверсант с легендой.

Трое, включая девушку, были огненно-рыжие – два парня, один смеялся громче всех, другой, напротив, сдержанно улыбался. Четвертый, сидевший рядом с девушкой – брюнет, выше остальных на полголовы, здоровый такой ухоженный бугай, мощные мыщцы перекатывались под обтягивающей торс синей рубашкой, идеальная прическа, белоснежная улыбка, хорошо хоть девушку обнимал, а то видал я таких метросексуалов с радужной ориентацией. Но опять же, на Земле, а тут свои обычаи, и неизвестно, что моя одежда означает.

Помощница дяди, сидела в другом углу, и неторопливо потягивала что-то серебристо-зелёное из высокого бокала на тонкой ножке. Попробовал проделать с ней то же, что и с дядей Толей, пригляделся, напрягся, но вживлённый чип имени девушки выдавать не спешил. Точно так же он и с шумной компанией поступил – сохранил инкогнито.

Близко к военным я садиться не стал, у них свое веселье, у меня свое, к тому же брюнет на меня как-то недобро посмотрел, хотел было за столик к блондиночке пристроиться, но уж больно у неё вид был недоступный. Первый обед в этой реальности мне предстояло съесть в одиночестве.

. Подождать пришлось несколько минут, подскочил парнишка в синей накидке наподобие пончо, с вышивкой белой нитью, и белых спортивных штанах, поставил на стол три тарелки, литровый стеклянный кувшин с тем же напитком, что и у обедающей компании, положил ложку, палочки и попытался скрыться.

– Эй, погоди, – перехватил я его. – Принеси-ка мне стакан.

Парень непонимающе посмотрел на меня, видимо нечасто его просили о такой диковинке.

– Стакан, кружка, чашка… Понимаешь? – Видимо, аналоги в местном языке были, все эти слова я произнес по-разному.

Официант кивнул, метнулся куда-то прямо через стену и через несколько секунд на моем столе стоял граненый стакан.

– Спасибо, выручил. И что ты мне тут принёс? – уже в спину исчезающему парню спросил я, впрочем, не особо надеясь на ответ. Название местных блюд мне, наверное, ничего не сказало бы. На что это похоже – щупальца местного осьминога? Судя по виду, это были именно они – склизкие голубоватые кусочки в коричневом соусе. Впрочем, на вкус все оказалось не так уж плохо, щупальца были по консистенции мясными, немного сладкими, но кислый соус отлично дополнял этот вкус. Кусочки были нарезаны достаточно крупно, чтобы их удобно было есть палочками. Лежащее на другой тарелке зеленое пюре я попытался есть ложкой, и, судя по одобрительныму взгляду помощницы дяди, поступил совершенно правильно. Обычное перемолотое яблоко, не стоило его дополнять красными безвкусными ягодами, да еще подкрашивать в темно-зеленый цвет. Раскусив парочку ягод, остальные я отложил на край тарелки – вот не сообразил сразу, что они для украшения.

К третьему блюду я какое-то время не решался приступить. Белёсые сопли плавали в малинового цвета киселе, и смотрелась не то чтобы неаппетитно – это явно кто-то ел, и не раз. Наконец, набравшись смелости, я отделил ложкой от общей массы маленький кусочек и поднес к глазам, чтобы получше рассмотреть. Тут только заметил, что компания в углу притихла и наблюдает за мной с явным интересом, девушка даже вперед подалась, а парни напротив нее явно забились на меня – выложили на стол какие-то кружочки и сгребли их в одну кучу. Ну что же, зрители ждут, понюхал кусок сопли, вроде тухлятиной или чем-то еще неприятным не пахнет, осторожно положил в рот.

На вкус обычная устрица, только подается без привычной раковины, малиновый соус оказался кисленьким и отлично дополнял слегка горчащий основной компонент. Прям ностальгия по родиному миру пробила, хотя устрицы я в последний раз ел года два назад.

Блондинка поморщилась, поднялась и ушла, оставив бокал наполовину полным. Или пустым. Парни загомонили, один из рыжих радостно придвинул кучу мелочи себе, а девушку чуть не стошнило. Я не смог отказать себе в удовольствии – с аппетитом доел моллюска, щедро сдабривая его соусом, чуть ли не причмокивая и всем своим видом показывая, что вот это как раз моя самая любимая еда. Рыжая девушка не сдержалась и скрылась куда-то за стену, ох уж эти появляющиеся из ниоткуда проемы, а бившиеся об заклад парни довольно засмеялись и помахали мне руками.

– Ладно, знай наших, – пробормотал я по-русски. – Мы вам и не такое покажем, дайте только до водки добраться.

Щедро плеснул в бокал оранжевого напитка. Обычный сок, на вкус что-то среднее между манго и морковью, немного терпкий, но мне понравился. Привычки пускать слюни в общий кувшин у меня нет, не то, что у местных, так что сидел я как белый человек, пил из собственного граненого стакана, догадываясь, кто был инициатором его появления здесь, никого не трогал.

– Можно присесть? – не дожидаясь ответа, напротив меня плюхнулся на стул брюнетистый сосед ушедшей в никуда девушки, и потянулся к кувшину. Вот ведь манеры у аборигенов, сейчас язык свой прополощет в напитке, куда потом его девать. Пропадет продукт.

Я даже возразить не успел, как брюнет разрешил мои сомнения, выхлебав в несколько глотков остаток сока, а ведь там его не меньше половины литра было. Посмотрел на пустой кувшин, словно ниоткуда возникший официант поставил на стол такой же, но уже полный.

– Люблю сок вамбулы, три кувшина таких могу выпить подряд, – заявил он, глядя мне прямо в глаза и подергивая грудными мышцами.

Я отсалютовал ему бокалом и отпил небольшой глоток.

– Или ты мне не веришь?

– Верю, – успокоил я парня. – Ты вон какой большой, в тебя и шесть таких кувшинов влезет свободно. Да еще вамбулы, это же такое охренительное средство для повышения потенции, которая у тебя просто из ушей наверняка.

Тот притих, обдумывая услышанное, зато его два рыжих вихрастых приятеля оживились, о чем-то между собой перешептываясь. Один полез в карман, достал оттуда горсть мелочи и начал пересчитывать.

– А вот семь никак не влезет, дохловат ты для семи.

– Я уже выпил один, – парень выложил на стол сжатые кулаки, упорно набиваясь если не на драку, то на спор. – Поэтому про шесть и сказал. Шесть и один как раз семь будет.

Умеет считать – молодец. Я примерно представлял, как дальше будут развиваться события. Чужаков не любят нигде, значит есть шанс получить по лицу, если повезет. Не повезет – просто переломают все кости, до которых дотянутся. Можно попробовать спустить все на тормозах, и так и нужно было бы сделать, но уйти мне просто не дадут, по всему видать этот сценарий разыгрывается уже не в первый раз, вон и зрители на месте, девушка вернулась за столик и что-то там обсуждала с парнями, поглядывая на меня. Можно и подраться, да только я трезво оценивал свое физическое состояние, если этот парень будет просто стоять и смотреть, как я его бью, может у меня и будет шанс, а так – никаких.

Две упаковки по шесть поллитровых банок пива мой друг Жорик Богданов, по его утверждению, выпивал под неспешное поедание воблы и креветок за просмотром телека, особенно художественную гимнастику он ценил, даже спонсировал одно время одну гимнастку, пока жена не узнала и не пригрозила причинное место оторвать. И комплекции он был как раз этот верзила. Но это за весь вечер, с походами в туалет и неспешной закуской, да еще в хорошей

компании зомбоящика. А тут этот абориген с непонятной физиологией, может быть ему и поссать необязательно сходить, все перерабатывается без отходов. Ладно, раз ввязался, соскакивать уже поздно. Это все наркота, которой меня накачали родственничек и его эскулап, что-то сегодня меня прямо на конфликты тянет.

– Я тебе верю, – не слишком удачно попытался я все замять. – Ты можешь выпить семь таких кувшинов подряд, более того, я уверен, что и перерывов тебе не нужно, а на кувшин потратишь не больше десяти секунд. И кувшин, пока пьешь, на стол не опустишь.

– Хватит, – брюнет привстал, опираясь кулаками на столешницу. – Я…

Что он собирается сделать, сказать не успел, один из его рыжих приятелей подошел к столу.

– Слушай, парень, мы не хотим тут неприятностей. Но зу Конташ от тебя просто так не отстанет, уж очень он упертый. Так что я поставлю за тебя, договорились? А деньги мне с выигрыша вернешь?

– Да, – я протянул парню руку. – Я лу Марк.

– Лу Арраш, – тот нерешительно дотронулся своей ладонью до моей. – Это какое-то такое новое приветствие?

– Да, оно как раз означает, что твои деньги – мои деньги.

Брюнет, нетерпеливо морщившийся во время нашего диалога, решил, что ситуация уходит у него из-под контроля

– Спорим, – проревел он, картинно напрягая шею. – Ставлю восемнадцать шиклу. Сейчас же.

– Погоди, – осадил я его и повернулся к Аррашу. – А если проиграю?

– Будешь должен, – обезоруживающе улыбнулся тот. – Как-нибудь потом расплатишься.

Ага, знаю я таких. Потом – это значит, что может и не расплачусь, такого насчитают. Ох уж мне эти местные шулера, но ставить-то самому мне нечего, я и про деньги местные не знаю ничего, а спросить не успел.

– Нет, лу Арраш, так не пойдет. Сколько у тебя денег тут?

– Три шиклу и сорок ши, – парень ничуть не расстроился. Может для них и вправду это просто развлечение, так, не местного прижать и посмотреть, как выкручиваться будет.

Судя по тому, что шиклу делились на ши, были они не такой уж большой ценностью.

– А ну-ка покажи мне одну монету.

– Из какой ты далекой глуши, – Арраш достал из кармана кругляш и протянул мне, – что про шиклу не слыхал.

– Из какой надо глуши, – я осмотрел монету. По мне так обычный новодел, вон как блестит. Качество XF, такими азиаты торгуют на заправках, выдавая за царские клады. Подбросил, покрутил, вроде серебро, бросил на столешницу – да, звон присутствует. На аверсе выбит клинышек острием вниз, на реверсе – изображение солнца с семью лучами, ничего особенного. Прикинул, граммов десять, не больше, это если по курсу, где-то триста рублей, не думаю, что тут серебро дороже стоит.

Ладно, придется спорить. А в этом деле главное на берегу все условия обговорить, а то шанс остаться без штанов резко возрастает.

– Хорошо. Я беру у тебя, лу Арраш, три шиклу. Если проигрываю, в течение тридцати дней отдаю долг, если выигрываю, отдаю три шиклу. Если не отдаю долг через тридцать дней, то за каждые тридцать дней к долгу добавляется по десятой шиклу. Договорились?

Рыжий кивнул головой.

– Теперь с тобой. Зу Конташ, ты пьешь шесть полных кувшинов сока, не выпуская кувшин из руки пока в нем что-то есть, и не выходя из-за стола, на каждый кувшин у тебя десять секунд. Пустой кувшин в руках не держать, поставил на стол – сразу же бери следующий. Сок вамбула оплачивает тот, кто проиграл. Вы ведь это хотели предложить?

– Законник, – процедил сквозь зубы брюнет. – Ненавижу законников. Три шиклу против твоих трех. Эй, эре, неси сюда еще пять кувшинов.

Шесть полных кувшинов ярко-оранжевого сока выстроились перед спорщиком. Шесть литров отличного сока, думаю, что поджелудочная этого парня скажет ему «спасибо», хотя с местной медициной это не риск. Официант что-то пытался брюнету сказать, но тот только зарычал и резким движением руки отшвырнул парня от стола. Вот ведь завелся, и почему, я ведь не сделал этим ребятам ничего плохого.

– Раз, – припечатал он, выхлебав кувшин буквально за пару секунд.

– Два.. Три.. Четыре.. – еще три кувшина последовали за первым, все это заняло максимум секунд пятнадцать.

– Пять, – он ухватил предпоследний кувшин и поднес ко рту.

Не люблю нечестную игру, это и не игра вовсе. Но раз сел с кидалами за один стол, джентльменом можно и не быть. Последний глоток, и пустой кувшин возвращается на стол, я резко поднимаюсь, рыжий Арраш, поняв, что я хочу сделать, рванул мне наперерез, но уже было поздно. От резкого движения стол сильно качнуло, последний кувшин наклонился, выплескивая часть сока.

Движения брюнета я не заметил. Рука только что держала пустой кувшин, и вот уже держит полный. Ни капли мимо, надо же, фокусник нашелся. Обычные люди не могут так быстро двигаться, точно знаю. Сеня Одинцов, мастер спорта по боксу, работавший у меня безопасником, как-то показывал такие фокусы с перехватом предметов, но его движения можно было отследить, пусть даже смазанно. Брюнет медленно, рисуясь, поднес кувшин ко рту и не торопясь осушил до дна. Не просто поставил – монументально воздвиг кувшин на стол, без слов сгреб деньги в одну кучу.

– Тоже ненавижу законников, – я спокойно взял первый кувшин и слил то, что осталось на дне, в последний. Потом так же поступил со вторым, и с оставшимися тремя. Набралось прилично, миллилитров пятьдесят, не меньше, поболтал, оглядывая спорщиков, никто не пытался возразить. Придвинул к себе деньги, ровно шесть блестящих серебристых монет. – Всегда найдут, как обдурить. А еще больше я не люблю жуликов. Но ведь ни тех, ни других за этим столом нет, правда? – Отсчитал три монеты, пододвинул их Аррашу, три – брюнету.

– Что это значит? – Конташ посерьезнел, воинственный настрой слетел с него моментально.

– Твое. Будем считать, что просто пошутили. Проигрыш плохо действует на пищеварение, да и ставки у вас какие-то детские, – не удержался от подкола я. – Знал бы, тоже полный карман мелочи приволок.

Крепыш стал приподниматься из-за стола, по выражению его лица было видно, что добром наша встреча не закончится. И что он так на меня взьелся, я нормально поступил, честно, схитрил, выиграл, и выигрыш вернул. Какие ко мне претензии. Положил бы в карман, можно было бы потянуть, но тут-то за что.

– Это значит, что драки не будет, – прозрачный дядя Толя появился как всегда внезапно и вовремя, парни моментально вытянулись в струнку. – Зу Конташ, опять твои шутки с соком, ты бы хоть что-то новое придумал. Как новенький появляется, обязательно надо втянуть его в свой спор.

– Разрешите доложить, эн Громеш, новенький выиграл, – вылез второй рыжик, заработав недовольный взгляд брюнета.

– Ну хоть кто-то вас жизни научил, придется придумать что-то пооригинальнее, – обрадовался дядя. – За то, что салаге проиграли – пять кругов по полигону, третий уровень, после отбоя, всем.

– Есть, – все четверо отсалютовали правой рукой, от левого плеча и вверх. Судя по всему, такое им было не впервой, никто, ну кроме перманентно мрачного Конташа, не выглядел расстроенным, а Арраш мне так даже подмигнул.

– Налево, кругом. Марш. – И дождавшись, пока четверка строем выйдет из помещения, повернулся ко мне. – Как тебя угораздило в это ввязаться?

– Не поверишь, дядя Толя, сам не знаю, – я пожал плечами. – Как какой-то бес в подсознание вселился и толкает на разные глупости.

– Ну как раз несколько часов после медстазиса прошли, тебя вот-вот отпустить должно. Хоть начнешь соображать, что не у себя дома находишься, а то вон как тебя понесло. Всегда ведь был осторожным парнем, не то, что мой Пашка.

– Да нашло что-то, и ребята эти привязались так, что не соскочишь.

– Всыпать бы тебе, да поздно уже. Поел?

– Устрицы были великолепны. У вас так все время кормят?

– Марсианские устрицы? – дядя удивился. – Эй, ты, подойди-ка сюда.

Лысый парень в синей накидке осторожно приблизился, упал на колени.

– Кто заказывал еду на этот столик?

– Так ведь зу Конташ, – парень замялся, – он все заказал и оплатил.

– Ну и хорошо, можешь идти, – дядя махнул рукой, лысый опрометью бросился прочь. – Выходит, тебя еще и накормили по первому разряду, самыми дорогими блюдами. Молодец, племяш, хоть и не в себе, а своего не упустишь, как всегда, иди-ка ты к себе, в комнату, и денёк оттуда не высовывайся. Не хватало из-за тебя в неприятности влипнуть.

.

Глава 5.

Дядя Толя, как ни крути, был абсолютно прав. Глупо соваться в незнакомое общество, не зная правил и порядков, возможно, я уже приобрёл репутацию недалёкого чудака, с которой мне теперь здесь жить.

Апартаменты, которые мне выделили, были скромные – одна-единственная комната, с кроватью, диваном и экраном на всю стену. За этой же стеной находился санузел – душ, который можно было принимать прямо в одежде, и небольшой бассейн с солоноватой водой. Рядом, в небольшой гардеробной, на вполне земных плечиках висели рубашки, брюки и куртки, внизу стояли кроссовки и сандалии. Ничего особенного в одежде аборигенов я не заметил, так что к местной моде привыкать не пришлось.

Бассейн забурлил, стоило мне туда погрузиться, вода нагрелась до сорока градусов, приятно обволакивая тело и насыщяя тело бодростью. Не иначе как лечебная водичка оказалась. Спать не хотелось, желудок я кое-как наполнил, оставалось вкусить, так сказать, интеллектуально пищи.

Интуитивное управление, основанное на запросах, я освоил буквально за час. Изображение или текст, тут можно было выбирать, выводились прямо на зрительный нерв, так что удобно было лежать, закрыв глаза, и, мысленно представляя себе, что же я хочу получить, видеть информацию, а при необходимости и слышать – сигнал передавался прямо на нерв слуховой.

Прямая передача информации в нервную систему позволяла, к примеру, вписать в интерьер комнаты телевизор, или сделать так, чтобы прозрачный экран появлялся в воздухе, управляясь пальцами. Любое пожелание, подмена реального изображения виртуальным происходила настолько четко, что одно от другого срау и не не отличишь.

Интерфейс тоже настраивался так, как мне было привычно – просто подумал, что хорошо бы он был такой, и он был – такой. На фоне водопада меню распалось на шесть картинок-пиктограмм.

На одной была нарисована монета, при щелчке вылезал банковский личный кабинет с десятью тысячами кредитов в активе – видимо, презент от родственника. Вот только потратить их было пока некуда, хотя при необходимости я мог бы это сделать, инструкции были прямо перед глазами.

Другая пиктограмма изображала человечка, и была, судя по цвету и по тому, что при нажатии ничего не происходило – неактивной.

Пиктограммы с третьей по пятую тоже были неактивны, одна изображала карту, другая – телефонную трубку, а третья, точнее – пятая, глаз. Карта – она карта и есть, возможность позвонить кому-то тоже лишней не будет, а вот глаз должен был скрывать за собой мои магические способности, которые, по-видимому, спали.

На шестой был нарисован земной шар в паутине – нетрудно догадаться, что за ней скрывалась внешня сеть. Перейдя по ней, я попытался представить стартовую страницу поисковика, и ведь получилось – появилась поисковая строка, ссылки на какие-то новости и мероприятия, даже виджет погоды. За окном 23 градуса, слабый дождь, просьба ввести координаты и заказать погоду на завтра, всего за полтора миллиона кредитов.

В поисковую строку можно было вставить все что угодно, не только текст. Я представил запах апельсина, и тут же получил и описание этого фрукта, и видео с ним, и какие-то кулинарные подробности, вплоть до видео с рецептами. Результаты поиска подстраивались под мои знания об этом объекте, с одной стороны, было удобно, получал как раз то, что хотел, а с другой, как получить то, о чем еще не знаешь?

Начал с географии.

Мир, куда я попал, аборигены называли Землей, и по сути Землей он как раз и являлся, все те же материки, океаны и реки, ничего с планетой из-за присутствия магии не случилось. Земной шар все так же крутился вокруг Солнца, Луна была на месте, и остальные планеты – тоже.

Земная поверхность была поделена на множество кусочков, каждый из которых принадлежал одному из семи государств – Киш, Урук, Ур, Лагаш, Исин, Эшун и Ларса. Кусочки были от совсем микроскопических, занимавших участок не больше квадратного километра или какой-нибудь островок, до гигантских, например, почти вся Австралия принадлежала государству Ур, и только ее южное побережье – Лагашу. Более-менее ровно была поделена только Антарктида, и здесь, в этом мире, покрытая ледяным панцирем.

Столицы государств почему-то располагались на Ближнем Востоке, причем очень кучно, чуть ли не наезжая друг на друга.

Та область, где я сейчас находился, принадлежала Исину – рваный лоскут шириной примерно в двести километров и сто километров в высоту, с пятью небольшими городками, один из которых – Уртаки, находился рядом с поместьем дядюшки, и множеством мелких поселений. Стоило ли блокировать карту, если через местную сеть я и так смог все посмотреть?

В том числе, то, что Землей, оказывается, местная политическая география не ограничивается. Власть семи государств распространилась и на другие планеты Солнечной системы. Существовали анклавы на Луне и Марсе, астероидный пояс был поделен на сектора, так же как транснептуновые объекты и спутники Юпитера и Сатурна. Пояс Койпера и рассеянный диск оказались никому не нужны, зато гипотетическое в нашем мире облако Оорта, включающее миллиарды объектов, в том числе и газовые гиганты, принадлежало двум государствам. Четырнадцать находящихся в нём планет, с металлическим ядром и каменной мантией, самая большая размером с Марс, были поделены поровну между всеми. По две. Планеты кружились вокруг Солнца по сильно вытянутым орбитам под различными углами к эклиптике, проходя ее внутри орбиты Нептуна, причем одна вроде как пересекалась орбитами с Землей, не точно, в полутора миллионах километров. И должна была оказаться через сто семьдесят тысяч лет в прямой видимости.

Представляю, что бы было, появись я с этими знаниями на своей Земле. Астрономы забили бы меня ногами, задушили и выбросили в море, а мозг сожгли – чтобы никто не мешал им предаваться догадкам и измышлениям, получая за это гранты и пожертвования.

За пределами Солнечной системы существовали совсем другие государственные образования, здесь, в этом мире, человечество наконец-то вышло к звездам, плотно заселило несколько сотен землеподобных планет и готовило к освоению еще больше двух тысяч. Самое крупное образование, Империя трех солнц, подмяло под себя двадцать семь звездных систем с пригодными для жизни планетами. Внеземная жизнь так захватила меня, что я потратил целый день, разглядывая голографику и ролики других планет, с причудливыми пейзажами, урбанистикой и прочим. Там, где это было возможно, при колонизации оставляли собственную флору и фауну, впрочем, обычно развившуюся не дальше динозавров. Миленьких таких ящерок ростом под десять метров. Подобных планет было где-то две трети, на большей части остальных все-таки появились млекопитающие, а на нескольких прижились привычные нам животные и растения. У меня просто в голове не укладывалось, какую надо проделать работу, чтобы заселить целую планету работающей экосистемой. Это ведь не только земная поверхность, но и океан, а каждая четвертая планета вообще не имела материков, только крупные по земным меркам острова.

На самой Земле привычные агломерации отсутствовали. Не было Москвы и Парижа, Нью-Йорка и Пекина, Лондона и Сингапура – даже в столицах государств жило не больше сотни тысяч человек. Вся Земля была равномерно заселена, никаких мегаполисов, островков

небоскребов, мощных спальных районов. Миллиард населения тонким слоем растекся по всей поверхности, исключая Антарктиду – там, кроме льда и пингвинов, так ничего и не появилось.

«Прогуляться» по улицам городов виртуально не получилось, все они или были закрыты для доступа, или, скорее всего, местная сеть этого не позволяла, даже поместье, в котором я находился, не дала посмотреть. Удалось только «пройтись» по Уртаки, небольшому городку, расположившемуся на северном берегу озера забавной формы, похожей на недовольно кривящиеся человеческие губы. Вот как раз над верхней губой в виде усов этот городок и находился – малоэтажная застройка, почти все дома стояли на собственных лужайках без каких-либо ограждений, я не заметил ни торговых центров, ни каких-то развлекательных заведений – только жилье и дороги, причем дороги идеально ровные, хоть и без машин. И большое круглое здание с куполом в центре – к нему сходились все пути. Зато на других планетах было чем полюбоваться – там мегаполисы, забитые людьми и любого вида, от наземного до надземного, транспортом, крикливой рекламой на улицах, многочисленными барами и ресторанами, походили на тот же Сиэтл или Токио. Люди одевались в рамках современной для меня моды, обычные штаны, кроссовки, куртки, никаких скафандров или джедайских балахонов. Расовый состав тоже был вполне привычным, и негры, и азиаты попадались достаточно часто. А вот люди с синей или зелёной кожей – никогда.

Общественное мироустройство внешних миров поражало своим разнообразием. Демократии, тирании, государства, управлявшиеся магическим и искуственным интеллектом (а магия в этом мире была везде), даже одно коммунистические образование – все это было представлено в обитаемом мире, за исключением центральной Земли, управлявшейся Советом семи столиц.

Наверное, если бы все обитаемые миры обьединились, то смогли бы показать центральной планете её настоящее место, но разобщенность и вовремя ликвидируемые очаги слияния интересов, централизованная банковская система и поддержка узкой специализации планет, а также технологическое превосходство позволяли Семьям чувствовать себя уверенно. К тому же, две трети внешних миров были населены преимущественно людьми одной национальности, и расовые и националистические движения сближению миров не способствовали, словно колонизация осуществлялась строго по разработанным Макиавелли принципам.

Внешние миры жили собственной жизнью. От Земли они получали технологии, преимущественно в виде готовой продукции, некоторые виды био-чипов, которые были чем-то похожи на нейросети из популярной фантастики, военную технику и развлекательную продукцию. Основными занятиями были сельское хозяйство и добыча природных ресурсов, обрабатывающая и легкая промышленость, крупноузловая сборка. Подавляющее большинство населения планет это вполне устраивало, ну а те, кто пытался протестовать, свои ошибки понимали очень быстро, времени на переброску войск из метрополии на любой из миров затрачивалось немного, портальная система работала без сбоев. Да, здесь были порталы – кольца, соединяющие разные точки галактики, что выводило науку этого мира на недосягаемую высоту.

Точнее говоря, науку Земли и Солнечной системы.

Основным населением Солнечной системы были лу – свободные граждане, чуть больше полутора миллиардов человек. Численность благородной прослойки – зу – была значительно меньше, в пределах нескольких десятков миллионов, и принадлежность к этому классу определялась специальным Кодексом, в основном – по имущественному признаку. Но не только, любой, чьи пси-способности превышали определенный уровень, становился благородным с приставкой «ан» после серии испытаний. С учетом того, что выживал на таких мероприятиях только каждый десятый, желающих стать благородным было немного. Численность собственно Семей не превышала миллиона человек, считая младшие ветви, в каждой семье выделялись владетели – энгуны, главы семей – нуны, и главы родов – эгиры, подчинявшиеся непосредственно царям – лугалям. Жрецы-мугиб тоже могли быть исключительно представителями

какой-либо Семьи. Особняком стояли энси – жрецы-советники лугалей. Их было семеро, по числу государств, и информации в сети о них не было никакой.

В общем, с моим пролетарским по местным меркам происхождением на этой Земле мне особо ничего не светило. Хотя были и люди со статусом пониже моего – эре, или рабы. Их было несколько сотен миллионов, причем владеть ими могли только знатные рабовладельцы. И тут мне, похоже, перекрыли возможность стать владельцем гарема с наложницами.

Впрочем, если бы захотелось в благородные выбиться – пожалуйста, вся галактика была к моим услугам, а там водились и графья, и бароны, и каганы с цезарями и патрициями, на любой, в том числе извращенный, вкус. Практически каждая планета могла похвастаться небольшой привилегированной прослойкой и основной массой трудящегося на нее населения, рабство не было каким-то уникальным явлением.

Оторвался я от огромного открывшегося мне мира только через сутки. И что интересно, всё это время, проведённое в бассейне, не сделало меня голодным или уставшим.

В кровать я улёгся просто для порядка, не может же человек столько времени без сна жить. Мой сетевой помощник никуда не делся, можно было снова закрыть глаза, или вывести всё на огромный экран, или вообще выйти в парк и там посидеть на свежем воздухе, но мне хотелось некоторое время побыть наедине с собой, поразмышлять. Надо было разобраться, что же за дар такой достался мне неожиданный, никогда за собой никаких сверхъестественных способностей не замечал, да что там – даже в казино не выигрывал.

Считалось, что магия на Земле появилась вместе с первыми людьми, и с тех пор иногда исчезала, но появлялась снова. Я полюбовался на могучих архимагов-мугибов, взмахом руки рушащих города, кстати, вполне натурная съёмка с одной из планет, посмотрел ролики, на которых доктора с магическим даром отращивали пациентам утерянные конечности, приживляли оторванные головы и устраняли похмелье одним движением руки, в общем, впечатлился. В голове уже забрезжили идеи, как я с моим пока еще незрелым, а потом наверняка очень даже развитым даром смогу повелевать толпами трясущихся от страха людей.

Потом наткнулся на ролик, где еще одного повелителя стихий атаковали три небольших каплевидных истребителя. Один он успел уничтожить – повинуясь движениям руки, казалось, само пространство исказилось перед несущимся на дозвуковой скорости летательным аппаратом, и он полетел дальше измятым куском то ли железа, то ли какого другого материала, но остальные два, отстрелявшись практически незаметно, только корпуса чуть подернулись дымкой, превратили могучего мага в жалкую кучку пепла.

Спрашивается, зачем столько времени учиться, овладевать темными и не очень силами, если какой-то бездарный в магическом отношении пилот способен стереть тебя в порошок. В прямом смысле этого слова. А в ролике этом даже и пилотов не было, мага атаковали беспилотники.

Но все равно, раз богатый родственник утверждает, что маги, или правильнее – псионы, тут вполне уважаемые и обеспеченные люди, да и сложность получения магических званий и знаний тоже внушала уважение, значит, что-то в этой профессии есть такое, за что стоит уцепиться, потянуть и занять свое место в этом мире.

Тем более, что хотя, несмотря на повсеместное развитие магии, технологии были более удобны и утилитарны, в чем последователи технологического развития на многочисленных примерах убеждали неофитов вроде меня, магия все же широко применялась во многих областях. Особняком стояли целительская, ментальная и портальная магии, которые пока выигрывали у технологических разработок простотой использования, эффективностью и особенно – востребованностью на осваиваемых планетах. Вскользь упоминалось, что и некоторые компоненты высокотехнологичных изделий имеют магическую природу, но это обьяснялось практическими соображениями. Совсем необязательно, что гиперпривод должен обслуживать

инженер-маг, ведь есть альтернатива, такой же привод, только в несколько раз больше и с вероятностью резонанса в струне. И дороже к тому же в десяток раз.

То же касалось и медицины, здесь она творила чудеса, людей оживляли практически по фрагментам тела, главное, чтобы мозг оставался цел. И жили местные куда дольше моих сореальников – при своевременной медицинской помощи и достаточных финансах вполне можно было дотянуть до двухсот лет, не особо старея, правда потом процесс шел быстро и фатально, как ни бились и медики, и псионы, у человека был свой порог существования. Только маги жили дольше – раза в два, но и они умирали. Вот сколько всего понапридумывали, и порталы, и полеты к звездам, а бессмертие обеспечить никак не смогли. Но радовало, что хоть двести лет, а то и больше, у меня в запасе есть.

Экономическая система обитаемого мира строилась на корпоративных принципах. Во главе корпораций стояли, как правило, люди, далекие от земных Семей, что должно было подчеркнуть независимость и свободу основной массы населения. Корпорации зачастую не только выпускали продукцию, но и владели планетами и звездными системами. Все основные денежные потоки проходили через несколько десятков финансовых организаций, владельцами которых совершенно случайно оказались представители верхушки Земли. Эти банки обслуживали исключительно корпоративных клиентов, а корпоративные банки – всех остальных. Единицей галактических расчетов был кредит, позаимствованный, как и десятеричное счисление и метрическая система, где-то в других мирах. Каждое государство могло иметь свою валюту, но почему-то такой возможностью пользовались немногие.

Местная финансовая система практически не отличалась от привычной мне, те же акции, облигации и кредитные линии, за исключением депозитов – их не было, поскольку не было наличных, и приходилось так или иначе держать деньги на счетах. Мои десять тысяч лежали в единственном в государстве Исин банке, принадлежащем семье Ур-Наммурапи, за обслуживание счета я должен был платить приблизительно одну десятую кредита в день. При остатках на счетах, предположим, в сто миллиардов ежедневно, банк имел с клиентов миллион кредитов – каждый день. А что-то подсказывало мне, что счет шел на триллионы, а может и на квадрилионы – с такой развитой экономикой и узким банковским сектором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.